

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Олимпийский чемпион

Серия «Господин адвокат», книга 18

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137052

Олимпийский чемпион: Агентство КРПА Олимп, АСТ; М.; 2002

ISBN 5-17-000000-0, 5-7390-1158-2

Аннотация

Куда податься спортсмену, бывшему олимпийскому чемпиону по стендовой стрельбе, после того как закончилась его карьера? В бизнес? В криминальные структуры? Александр Васильев выбрал большую политику. Большую, конечно, на местном уровне – он решил баллотироваться в губернаторы одной из областей России. И... оказался в тюрьме по обвинению в организации покушения на действующего губернатора.

Только вмешательство адвоката Юрия Гордеева дает ему возможность выйти на свободу. Но это будет не так-то легко. Господину адвокату придется немало потрудиться, перед тем как его подзащитный покинет следственный изолятор и все-таки сможет участвовать в выборах...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Фридрих Незнанский

Олимпийский чемпион

Глава 1

«Бывшие одноклассники – это родственники, которых не особенно любишь...»

Юрий Гордеев, адвокат московской юрконсультации номер 10, ехал в Балашиху. Ехал на похороны своего бывшего одноклассника.

По дороге он пытался представить себе Витьку Когтева капитаном десантников. И никак не мог этого сделать. Со всем не соответствовал тот образу бравого солдата... Когтев на уроках физкультуры всегда стоял последним в шеренге. Он был самым маленьким в классе. Гордеев до сих пор помнил этого щуплого мальчугана. Зато там, где надо было поработать руками, Витьке равных не было. На общемосковской олимпиаде школьников по моделированию его модель барка «Крузенштерн» заняла первое место, он ездил с ней на выставку в Болгарию...

Что еще Гордеев помнил о Вите? Только то, что на домашней вечеринке девятиклассников в честь 8 Марта тот напился до потери сознания. Смешал, видно, шампанское с водой. Его пришлось откачивать водой с нашатырным спир-

том. От этого «коктейля» Витька травил в туалете весь вечер. Потом двое приятелей, одним из которых был Гордеев, тащили его на себе домой через дворы и заплетающимися языками пытались объяснить его матери, что на самом деле ничего страшного не происходит, ее Витька выпится и будет как огурчик...

Гордеев думал всю дорогу, но ничего больше о Витьке не смог припомнить.

«В шестнадцать лет ты мечтал никогда больше не увидеть ни одну из этих опостылевших рож: Сергеева, Радкевича, Бондарева, Потапенко... В тридцать – огорчаешься, что из-за работы снова не смог попасть на ежегодную встречу школьных друзей...

Кто еще знает, что в двенадцать лет ты плакал, когда физрук заставлял тебя прыгать через коня, а у тебя это никак не получалось? Кто еще помнит, что в шестом классе из-за тебя весь класс опоздал на новогоднее представление в цирке на Цветном бульваре? И что как-то раз ты по ошибке потушил Вечный огонь в местном сквере?

Одноклассники... В девятом классе ты их презирал и считал сборищем идиотов. Теперь они кажутся тебе обычными ребятами. Ты даже уверен, что нынешняя молодежь намного хуже... А не признак ли это приближающейся старости?

Со своим школьным другом ты не виделся уже девять лет и даже не знаешь, где он сейчас...»

По дороге Гордеев остановился у киосков, купил большой

букет крупных красных гвоздик и бутылку водки.

К началу траурной церемонии он, конечно, опоздал. Когда вошел, оказалось, что вместительный зал местного Дома офицеров набит битком. В основном военные... Гордеева поразило количество пришедших проститься с Витей. Плакали какие-то незнакомые женщины, пожилые и молодые. Вытирали платками красные глаза... Мужчины стояли с серьезными лицами, некоторые негромко переговаривались.

Гордеев не стал протискиваться вперед, остановился за спинами. Через головы впереди стоящих он разглядел мать Витьки и молодую женщину в трауре, наверное его жену. Точнее – вдову. Вдову и мать Вити окружало множество незнакомых Гордееву лиц. А, собственно, откуда он мог их знать?

Рядом с гробом на красных атласных подушечках были выставлены боевые награды Виктора. Гордеев удивился, что их так много. Серебряные кресты, красные эмалевые звезды, круглые медали...

Стоял почетный караул, и какой-то полковник с рюмкой в руке произносил сбивчивую, но искреннюю речь. Время от времени полковник умолкал, собираясь с мыслями, и тогда в зале стояла тишина, прерываемая лишь всхлипываниями женщин.

Гордеев вспоминал, были ли у Витьки братья-сестры? Или он был единственным в семье? Конечно, не вспомнил.

В середине церемонии прибыли Витины сослуживцы. Ви-

димом, прямо с вокзала. В воздухе сразу запахло кирзой и оружейной смазкой. Для них принесли стулья.

Когда солдаты протискивались со стульями сквозь толпу, кто-то дернул Гордеева за рукав.

Он обернулся.

– Юра! Здравствуй.

Гордеев узнал Эллу Саакян. Она улыбалась.

– Здравствуй!

– Наших видел?

– Нет еще.

– Только что пришел?

– Да нет. Но ведь не протиснуться...

– Идем, – кивнула Элла и повела его за собой.

Бывшие одноклассники собрались в холле Дома офицеров. Мужчины сидели на одном из подоконников, женщины стояли рядом. Все как бывало раньше в их школе.

Гордеев поздоровался с мужчинами за руку. Эдик Коваль! Шевчук! Юлик Радзиховский! Подумать только, сколько они не виделись! И при каких обстоятельствах довелось встретиться...

Разговорились. Эдик работал программистом в холдинге, Шевчук – на таможне, Радзиховский, как ни странно, стал летчиком, водил большие пассажирские самолеты. Элла преподавала французский язык в лицее...

– А помнишь Ирку Колбеко?

– Помню.

– Представляете, она училась в Питере на востоковедческом факультете, а потом неожиданно вышла замуж за араба и стала шахиней.

– Кем?

– Серьезно! Жена шаха – шахиня? Или как называется?

– Шахта, – пошутил Коваль.

– Не смешно, Коваль. В общем, Ирку теперь зовут Фатима, живет она во дворце с павлинами и финиковыми пальмами. Недавно приезжала, фотографии показывала. У них княжество – тысяч пятьдесят населения. Главный дефицит – вода.

– А собственный слон у нее есть? – ехидно поинтересовался Радзиховский.

– Слона нет, но есть «роллс-ройс».

– Это неинтересно. Любой дурак может иметь «роллс-ройс». А вот слона... Физиономия у нее и теперь вся в веснушках?

Посоветовавшись, мужская половина класса пришла к выводу, что Ирка поступила очень дальновидно, выйдя замуж за шаха. Ей с ее внешностью лучше жить в местности, где женщины носят паранджу.

– Мальчики, какие же вы нахалы! – объявила Элла, надув губки. Гордеев вспомнил, что именно так она делала и в школьные годы.

«Нет, – подумал он, – если мы и меняемся, то очень мало. Когда мы встретимся еще через двадцать лет, парни все так

же будут сидеть на подоконнике, болтая ногами, обсуждая одноклассниц, а Элла так же кокетливо надует губки...»

Перед самым концом церемонии приехал Сасин.

– Надо же! – удивились бывшие однокашники. – И не побрезговал.

Он занимал какой-то весьма ответственный пост в одном из министерств. Гордеев не стал интересоваться, кем именно сейчас работает Сасин. Он его недолюбливал со школьных лет. И тут, как ни странно, вспомнил об этом.

Сасин приехал на служебной «ауди» с водителем и привез корзину белых лилий. Чуть раньше Сасина прибыли две группы телевизионщиков с разных каналов – «делать новости». Поставив у гроба корзину и расправив ленты с траурными надписями, Сасин обратился к Витиной матери, поцеловал ей руку, что-то пошептал на ухо вдове и постоял пять минут со скорбным лицом у гроба. Когда телевизионщики отсняли репортаж, Сасин простился и уехал. Бывшие одноклассники понимающе переглянулись: мол, мы-то знаем, кто такой Сасин.

На кладбище Гордеев промерз до костей. Когда присутствующие стали прощаться с покойным, он тоже подошел к гробу. Посмотрел Вите в лицо и не узнал его. Это был совсем другой человек. Вернее, то, что от него осталось... Гордеева это поразило. Витя не вписывался в его теорию о том, что никто в принципе за эти годы не изменился. Витя изменил-

ся. Можно сказать, до неузнаваемости...

После похорон мать Вити пригласила их на поминки.

Гордееву хотелось втихую слинять, но остальные его не отпустили. То есть просто схватили за руки и повели к столу.

Чинно сидел он на дальнем конце длинного стола и пил рюмку за рюмкой. Школьные друзья, и даже Элла, не отставали. Когда с прощальным словом выступили все родственники и сослуживцы Вити, очередь дошла до его бывших одноклассников. Гордеева заставили подняться и произнести речь от имени класса. На ходу он ничего не мог придумать, промямлил пару банальных общих фраз и упомянул к чему-то Витину победу на олимпиаде по моделированию. Рассказал, как он был поражен, увидев модель барка «Крузенштерн»... После этих слов мать Вити разрыдалась. Гордеев сел, стыдась посмотреть людям в глаза, чувствуя, что сморозил глупость, растравил раны. Впрочем, уже изрядно подвыпившие однокашники так не считали. Они одобрительно покивали, а Юлик Радзиховский, разливая водку, даже сказал: «Я всегда говорил, что Юрка из нас самый умный!»

Затем были еще речи. Мать Вити громко всхлипывала. Ей принесли капли. Запахло аптекой. Окружившие ее женщины уговаривали ее успокоиться. И тут кто-то из сослуживцев Вити затянул негромко какую-то солдатскую песню. Остальные подхватили. Вышло это у них здорово и весьма кстати.

Браток, поднимем по одной

За то, чтобы вернулись мы домой,
За то, чтоб пуля миновала
И чтоб любимая ждала.

Гордеев выпил еще рюмку, чувствуя, как тепло разливается по телу и одновременно мороз подирает по коже... Такие вот взаимоисключающие ощущения.

«Ты как домой доберешься? – спросил самого себя. – А! Плевать, поймаю такси...»

Скрежет на душе, когда солдаты поют на поминках погибшего друга.

Краем глаза Гордеев заметил, что Элла поднялась из-за стола и вышла из банкетного зала.

Он нашел ее у подоконника в пустом фойе. Элла стояла, повернувшись лицом к окну. Плечи ее вздрагивали.

Пока Гордеев шел к ней, в его памяти вдруг отчетливо проявился один случай, совершенно забытый, погребенный под пеплом перегоревших воспоминаний, к которым иногда стыдно и тяжело возвращаться. Иногда, вспоминая, понимаешь, что это твоя жизнь, и, какой бы она ни была, никуда от нее не деться.

Он вдруг ясно представил, как давно, в начале десятого класса, теплым, сырым осенним вечером он провожал Эллу со школьной дискотеки. Они брели мокрыми улицами, по блестящему от дождя в голубых и розовых пятнах фонарей асфальту. Гордеев держал зонт. Они обсуждали достоинства

альбома «Зеппелинов» «Лестница на небеса» и всякую всячину. Шли, и каждый из них понимал, что все это не просто так – теплый, сырой осенний вечер, пятна фонарей на мокром асфальте и ничего не значащая беседа. И потом, в подъезде, Гордеев обнял Эллу и поцеловал в губы.

На следующий день – он даже вспомнил, что это было воскресенье, – Элла позвонила ему по телефону, а он не захотел подойти.

Это воспоминание ужалило, как змея. Не подошел. Струсил? Или просто не знал, что ей сказать?

Гордеев и сейчас не мог понять, почему тогда так поступил? Зачем поцеловал? И почему на следующий день ему ни в какую не хотелось говорить с ней? А в понедельник в школе он старательно избегал встречи с ней, опускал глаза и делал вид, будто не замечает ее. И тем не менее ощущал ее меняющиеся по отношению к нему эмоции – недоумение, раздражение, разочарование, равнодушие...

Он смотрел на Эллу и думал: а что бы изменилось в жизни, если бы в тот день он поговорил с ней?

А если – все? Все бы изменилось? И даже Витька сейчас был бы жив?..

Элла обернулась. Кивнула:

– А, это ты!

Гордеев стал рядом и посмотрел в окно. За окном унылый пейзаж: старые, размокшие и почерневшие от дождей фанерные щиты наглядной агитации вдоль аллеи чахлого сквера;

напротив – забор военной части, затянутый колючей проволокой.

– У меня Витин ребенок, – каким-то монотонным голосом произнесла Элла.

Гордеев не понял, что она имеет в виду.

– Почему? – переспросил он, думая, что в связи с этими траурными событиями вдова Виктора отправила своего ребенка к Элле.

– У меня ребенок от Вити, – повторила Элла, глядя в одну точку перед собой.

– Кто? – глупо поинтересовался Гордеев.

– Мальчик. Зовут Захар. Ему уже семь лет.

Они помолчали. Гордеев профессиональным инстинктом почувствовал, что сейчас следует задать какой-то наводящий вопрос... Ответ, еще не произнесенный, но готовый уже материализоваться, витал в воздухе.

– А у Виктора с женой есть дети? – спросил Гордеев.

– Нет. У них не было детей.

– Они давно вместе?

– Да... То есть нет... Два года.

– Для кого-то это немалый срок. Мать Вити знает про твоего?

– Нет. Даже не догадывается. Витя ей никогда не говорил. Так уж получилось...

– И ты не знаешь, сказать ей сейчас или не говорить?

Элла кивнула. Объяснила:

– Я ведь сама мать, я чувствую, ей будет легче, если она узнает, что живет на свете такой человечек – Захар Викторович... В любом случае легче. Тут ведь все другие вопросы отодвигаются на второй план.

– Да, пожалуй, – согласился Гордеев. – Будет легче. Так скажи ей.

– А что будет с моим мужем?

Элла отвернулась от окна и посмотрела на Гордеева круглыми, красивыми глазами.

– Ты замужем? – механически переспросил Гордеев.

– Да.

– И муж думает, что это его ребенок?

– Да.

– Боишься развода?

– Собственно, муж меня кормит, – жестко отрезала Элла.

– Ну и ребенка тоже. Он у меня крутой. Если развод со скандалом, мы с Захаром уйдем от него голые и босые.

– Думаешь, он потребует развода?

– Не знаю... Я его вообще плохо знаю. А если честно, не очень и хочу знать.

Гордеев кивнул. Он не знал, что сказать.

Элла постояла, задумавшись, и неожиданно встряхнулась:

– Эх, Юра! Ерунда все это! Если подумать, тряпки, квартира – все так относительно. Не бери в голову. Все-таки я была и осталась абсолютной эгоисткой! Нагружаю тебя своими проблемами.

Гордеев смотрел на нее грустно.

– Если понадобится хороший адвокат по семейным спорам, я могу порекомендовать, – предложил он.

Элла усмехнулась:

– Будем надеяться – не понадобится. Пожалуйста, никому не говори, что я рассказала.

– Само собой.

– Никто не знает. Только ты и я... И Витя еще.

– Ты с ним давно рассталась?

– А мы и не расставались, – все с той же странной усмешкой ответила Элла. – «Мы странно встретились и странно разойдемся...» Чьи это стихи? Не помнишь?

– Пушкин, может? – пожал плечами Гордеев.

– Сам ты Пушкин, – улыбнулась Элла, – песня такая была. «Мы странно встретились и странно разойдемся. Улыбкой нежною роман окончен наш. Но если в памяти мы к прошлому вернемся, то скажем – это был мираж...» Все последние дни вертится в голове эта строчка. Как узнала, что Витя погиб, так и завелась пластинка, не могу от нее отвязаться, звучит и звучит.

– Бывает, – согласился Гордеев.

– А вот и он, – сказала Элла и откашлялась, глядя куда-то в сторону.

– Кто?

Гордеев повернулся и посмотрел на какого-то представителя лысого мужика в хорошем костюме, знаками под-

зывавшего Эллу.

– Муж, – вздохнула Элла и пошла к нему.

Гордеев удивился мгновенной перемене, произошедшей в Элле: у нее даже походка стала другой. Изменилось и выражение лица, оно стало каким-то неестественным.

Гордеев тоже подошел к мужу.

– Долго ты тут еще? – спросил он Эллу.

– Еще примерно полчаса, не больше.

– Я подожду в машине.

– Это мой бывший одноклассник, – представила Элла Гордеева.

Мужчина протянул Гордееву руку:

– Алексей.

– Юрий.

Гордееву понравилось его рукопожатие – короткое, крепкое, деловое. Да и вообще мужик понравился – с открытым, улыбчивым лицом, умными глазами.

И почему, подумал он, этот муж не нравится Элле? Отчего она вся застыла в его присутствии, как гипсовая статуя? Смотрит в пол и отвечает сквозь зубы.

Какая кошка между ними пробежала? Хотя кто их разберет. Муж да жена, как известно, одна сатана... К тому же этим бабам вечно не угодишь. У них в голове крутятся механизмы неизвестной конструкции, и что им надо на самом деле, не знают даже они сами...

Часа через два довольно-таки пьяный Гордеев решил, что пора взять себя в руки и отчалить. Уже пили за вечную любовь, за дружбу, за единство народов России, за безъядерный мир и нашу победу...

Поминки плавно вылились в попойку. Одноклассники смешались с сослуживцами, давно все перезнакомились и называли друг друга на «ты» и по именам. Уже учились танцевать лезгинку, обнимались, произносили проникновенные тосты «за присутствующих дам». Эдик Коваль рассказывал свежие еврейские анекдоты.

Гордеев посмотрел на часы и понял, что пора завязывать. Завтрашний день грозил страшным похмельем и невыходом на работу, что чревато...

Ускользнуть из-под бдительной охраны однополчан покойного было трудно. Окрестности были взяты под контроль, и всякого, кто пытался их покинуть, омоновцы препровождали на место. Во всяком случае, так казалось Гордееву, который, соблюдая все меры предосторожности, выбрался из-за стола, помахал рукой одноклассникам и вышел в холл.

Здесь он достал сигареты и, делая вид, что собирается покурить, вышел наружу. Здесь не было никого. Гордеев огляделся по сторонам и сделал резкий и быстрый прыжок в сторону, куда не доставал свет фонаря.

– Ушел! – услышал он за собой крик и топот.

Он петлял в темноте, спотыкаясь о какие-то рытвины и

кочки. Ему казалось, что омоновцы гонятся за ним с овчарками. А может, и не было никакой погони? Ну конечно же не было. Какое им дело до того, кто пришел, а кто ушел... Детективов надо меньше читать.

Впрочем, у Гордеева и в жизни всегда хватало детективных историй.

Он вспомнил рассказ Швейка о том, как сослуживцы праздновали день рождения своего начальника и за один вечер обошли тридцать шесть пивных, и под конец начальника пришлось водить на собачьем поводке, чтобы он не потерялся. Сейчас эта сцена показалась Гордееву такой смешной, что он громко расхохотался.

Пошел мелкий дождь. Вечер стоял безветренный, и капли дождя приятно охлаждали разгоряченное лицо.

Гордеев вышел на шоссе и махнул рукой. Вскоре остановилась машина.

– Куда?

– В Москву, – старательно выговаривая буквы, ответил Гордеев.

– Проснись, дядя! Москва в другой стороне! – крикнул веселый водитель.

Гордеев кивнул с достоинством.

Подумаешь, немного ошибся. Каждый может заблудиться ночью в незнакомой местности...

Сейчас главное – без риска для жизни пересечь шестирядное шоссе. Главная преграда – металлический барьер на

разделительной полосе – издали показалась низкой.

С чувством собственного достоинства Гордеев посмотрел направо – машин поблизости не было. Он достиг середины шоссе и перелез через барьер на другую сторону. Там он попал ногой в глубокую лужу, но не обратил особого внимания на промокшую обувь. Очень довольный собой, он наконец достиг противоположной обочины.

«И не такой уж я пьяный, – рассуждал он сам с собой. – Если бы был сильно пьян, вряд ли бы перелез через этот барьер».

Он представил себе унылую картину: себя, промокшего и продрогшего, упорно ловящего такси не на той стороне дороги.

Стараясь стоять ровно и не шататься, Гордеев выкинул правую руку вперед и сразу же тормознул машину. За рулем сидела женщина.

– Куда? – спросила она, внимательно рассматривая пассажира.

– В Москву, – стараясь дышать в другую сторону, ответил Гордеев.

– Садитесь, – кивнула дама.

Гордеев сел.

В машине было тепло и приятно пахло женскими духами. Играла какая-то тихая и спокойная музыка.

– А вы неосторожно поступили, взяв ночью незнакомого попутчика, – заговорил он первым.

– Незнакомого и пьяного, – уточнила дама.

– Заметно? – Гордеев сел чуть ровнее.

– Чувствуется, – иронично кивнула женщина.

– Я с похорон, – развел руками Гордеев.

– Кто-то близкий?

– Как сказать... Одноклассник. Я его очень давно не видел... Но все же.

Дама кивнула. Ехали молча. Тепло и мягкое покачивание действовали усыпляюще. Гордеев чувствовал, что голова его тяжелеет с каждой минутой. Сознание уже стало улетать куда-то в космическую высь.

– Если я вдруг усну, растолкайте меня, – попросил Гордеев, с трудом размыкая веки.

– Ладно, – согласилась дама.

Глаза Гордеева словно запорошило песком. Они горели, и единственным желанием было их закрыть.

«На одну минуту», – подумал Гордеев, сомкнул веки и мгновенно уснул.

Он проснулся на каком-то повороте, когда машина притормозила и его качнуло вперед. Он посмотрел в окно. Увидел освещенные фарами кусты и деревья, подумал: «Еще не Москва» – и снова уснул.

– Приехали, просыпайтесь, – услышал он над собой требовательный голос.

Кроме голоса он ощутил энергичные потряхивания за

плечо. Гордеев с большой неохотой открыл глаза, сонно огляделся и полез во внутренний карман за кошельком:

– Мы уже приехали?

– Да.

– А... куда?

– Домой.

– Но позвольте... Это не мой дом. Я ведь вам даже не сказал адреса.

– Верно, – улыбнулась женщина. – Но тем не менее, мы приехали.

Гордеев наконец нашел кошелек:

– Сколько с меня?

– Выходите. Вы ничего не должны.

– Подождите, я не понял, куда вы меня привезли.

– Не волнуйтесь. Выходите.

– Где я?

– В безопасности, – ответила дама и вышла из машины, хлопнув дверцей. – Ну что? Вы ночевать там собираетесь? – крикнула она с улицы.

Ее слова унес порыв ветра. Дама подняла воротник кожаного плаща, сунула руки в карманы. Гордеев вылез из машины и огляделся. Кругом был темный лес. Кое-где сквозь деревья мелькали тусклые огни фонарей. В небе светила круглая бледная луна.

«Полнолуние», – подумал Гордеев и поежился.

– Ну и куда вы меня привезли? – нарочито весело повто-

рил он вопрос.

– Извините за экстравагантный способ знакомства, Юрий Петрович.

– О! – промычал Гордеев. – Вы меня знаете?

– Да. И признаюсь, что специально караулила вас сегодня весь день. Можете себе представить, как я замерзла, устала.

– А зачем вы меня караулили, можно поинтересоваться?

– Можно. Я всего лишь посредник, – туманно объяснила дама. – Выполняю личную просьбу одного хорошего человека, которому нужна ваша помощь. Не волнуйтесь, никакая опасность вам не грозит.

– Я надеюсь, – вставил Гордеев.

– Потом мы отвезем вас в Москву или куда скажете. Идемте. Осторожно, тут ступеньки.

Гордеев шел рядом с дамой через лес или парк, не видя у себя под ногами земли, чувствуя только ровные плиты аллеи. Наконец вышли к дому. Над входом горел фонарь, освещающий дорожку среди клумб. Дама кивнула Гордееву – сюда.

– Проходите, – сказала она, открывая дверь своим ключом и пропуская гостя.

Гордеев попал в прихожую без окон. Дама открыла ключом вторую дверь и пропустила гостя в холл.

– Одну минуту, подождите здесь, – попросила она, указывая на диван. И усмехнулась, глядя Гордееву прямо в глаза:

– Надеюсь, вы не сбежите? Я вас не напугала?

Если у Гордеева и мелькала подобная мысль, после этих

слов он устыдился.

– Ну не такая уж вы страшная, – парировал он.

Дама скрылась в соседней комнате. Гордеев слышал ее шаги на лестнице, стук дверей, голоса.

Оставшись в одиночестве, он с любопытством осмотрелся, стараясь по деталям обстановки угадать профессию и характер хозяев дома. Судя по митьковской живописи на стенах, хозяева были людьми веселыми. Вряд ли мизантроп станет вешать над камином картину на сюжет «Митьки несут свои уши Гогену». Возможно, хозяева этого дома – люди творческие, близкие к богеме. Может, архитекторы... А вот еще совершенно чудная деталь – лампа из цветного стекла, похожая на крыло тропической бабочки. Кроме всего прочего, на полках вдоль стен было расставлено несметное множество разных статуэток, сувенирчиков, антикварных вещей и всевозможных штучек; если задаться целью рассмотреть все по очереди, уйдет, наверное, недели две.

– Добрый вечер, – услышал Гордеев за спиной приятный низкий голос.

Он обернулся и увидел на пороге комнаты женщину лет двадцати семи, с гладко зачесанными назад темными волосами, собранными жгутом на затылке.

– Извините, что пришлось заманить вас в эту ловушку, – разведя руками, мягко сказала женщина. – Поверьте, выбора у меня не было. Я сама прячусь.

Гордеев воспрянул духом. Нет, убивать его явно не со-

бирались. Пытаться, чтобы выманить тайны, доверенные ему клиентами, – тоже вряд ли. К тому же и тайн никаких вроде бы в последнее время клиенты ему не доверяли. Да и клиентов, если честно, было немного.

– Может быть, хотите чаю или кофе? – предложила незнакомка.

– Кофе, – согласился Гордеев.

– Серафима Николаевна! Пожалуйста, приготовьте нам две чашки, – попросила она вошедшую даму, которая доставила Юру. – Вам с молоком?

– Да, пожалуйста. Много молока, много сахара. – Гордеев чувствовал, что ему надо как-то собраться.

– Вы присаживайтесь, – обратилась она к Гордееву. – Даже не знаю, с чего начать. Как объяснить... Столько всего произошло...

– Вы не торопитесь, – подбодрил ее Гордеев. – Начните с самого главного. А потом и до частных дойдем.

– Спасибо. Я жду встречи с вами уже четыре дня. В моей ситуации это как четыре месяца или четыре года! С ума можно сойти. Ничего не знаю, новостей никаких, как на необитаемом острове.

– Во-первых, можно узнать, как вас зовут?

– Я даже не представилась? Это на меня похоже. Меня зовут Ирина Васильева. Если в двух словах – мой муж находится под следствием, он арестован по вымышленному обвинению, ему нужен очень хороший адвокат. Мне порекомендо-

вали обратиться к вам.

– Почему вы сказали, что скрываетесь? – уточнил Гордеев.

– За мной могут следить враги мужа. Они могут сделать что-нибудь со мной, чтобы вынудить его сделать необходимые признания, – объяснила Ирина.

Ее голос звучал убедительно. Она не была похожа на шизофреничку. У Гордеева она вызывала доверие. Но в голове плавал туман после выпитого, и ему приходилось вслушиваться в слова Ирины, чтобы понять, что она, собственно, хочет.

Ирина внимательно посмотрела на Юру и предложила:

– Может быть, вы хотите умыться?

– Я бы даже принял душ.

– Пожалуйста. Ванная наверху, там вы найдете все необходимое. Я вас жду.

«Вот ведь как бывает. Нежданно-негаданно тебя сажают в машину, отвозят неизвестно куда и просят помощи, – думал Гордеев, с наслаждением стоя под тугими струями воды, сначала холодной, потом теплой, потом снова холодной, вытираясь мохнатым полотенцем, облачаясь в белоснежный банный халат и чувствуя, как постепенно трезвеет. – И пусть потом кто-нибудь посмеет сказать, что профессия адвоката менее интересна, чем профессия следователя. Что у меня меньше приключений. Или разных неожиданностей в жизни. Черта с два! Чувствую – раз под покровом ночи меня по-

хитила странная незнакомка, дело будет увлекательным...»

Гордеев уже внутренне, для себя, дал согласие. Но тем не менее, когда он спустился в гостиную, на вопрос Ирины: «Вы согласитесь защищать моего мужа?» – дал уклончивый ответ:

– Мне хотелось бы уточнить кое-какие детали...

Никогда не следует соглашаться сразу, с ходу, даже если у тебя в данный момент нет работы, считал Гордеев. Во-первых, нужно уяснить суть дела, а во-вторых, вдумчивое поведение адвоката прибавляет ему вес в глазах клиента и в конечном счете увеличивает гонорар.

– Пожалуйста. Но я не могу быть с вами откровенной до конца, пока вы официально не станете его защитником.

Гордееву понравилась осторожность и прямота Ирины. Он объяснил ей формальности процедуры – каким образом он может взять на себя защиту ее мужа. Ирина выслушала.

– Хорошо. Спасибо за информацию. Формальностями мы займемся завтра, – сказала она. – Но сначала я хочу с вами познакомиться. Хочу узнать, что вы за человек.

– Я сам этого до конца не знаю, – отшутился Гордеев.

Про себя он подумал, что ему надоели эти жены декабристов, мужья которых вечно вляпываются, а он расхлебывает. Но уж такова работа адвоката – вытаскивать людей, которые попали в беду...

– Вы не хотите браться за защиту моего мужа, – словно прочитав его мысли, выпалила Ирина.

– Я еще ничего окончательно не решил, – солгал Гордеев.

– Но я же вижу по вашему лицу...

– Да? И что еще вы там видите? – лениво поинтересовался он, помешивая серебряной ложечкой сахар в кофейной чашке.

При этом он незаметно взглянул на часы – однако! Начало двенадцатого ночи!

– Вы торопитесь? – заметила Ирина.

– Мне завтра рано вставать. У меня масса дел.

– Поэтому вы не хотите браться за это дело? Вы сильно заняты?

– Нет, дело не в этом.

– Я бы вас отпустила, но боюсь, что больше вас не увижу. А мне нужно получить ваше согласие. Понимаете, нужно! Если бы я не боялась врагов моего мужа и могла свободно передвигаться, то пришла бы к вам в контору, села в приемной и сидела до тех пор, пока бы вы не взялись за мое дело.

– Вас бы выставил оттуда ночной сторож, – раздраженно вставил Гордеев.

Женщина промолчала.

– Вас интересует сумма гонорара? – спросила она.

– Как и любого наемного труженика, – скромно ответил Гордеев.

– Не прибедняйтесь. Ваши финансовые дела, кажется, не так уж плохи.

– Это вы тоже прочитали по моему лицу?

– Можно и так сказать. Но мне рекомендовали вас как преуспевающего адвоката. А преуспевающие адвокаты обычно не испытывают финансовых затруднений.

«Много ты знаешь, какие затруднения испытывают преуспевающие адвокаты! – подумал Гордеев. – Однако, черт возьми, приятно, когда слава о тебе идет по стране... Значит, не так все плохо».

Он встал и подошел к зеркалу, висящему рядом с камином. На каминной полке стояло штук пятнадцать разных статуэток, очень похожих на фигурки из фильма «Десять негритят». Гордеев посмотрел на свою физиономию. Затем – на отражение Ирины в холодной глубине стекла.

– Да, мои дела не так уж плохи, – согласился он, глядя на себя. – Но могли бы быть лучше. Гораздо лучше.

– Вот заодно и поправите свои дела.

– Хм, – усмехнулся Гордеев, – я вижу, вы твердо решили добиться от меня согласия.

– Конечно, разве вы этого еще не поняли?

– А у вас в подвале нет комнаты со средневековыми орудиями пыток – в качестве дополнительного аргумента? – пошутил Гордеев.

Ирина отрицательно покачала головой:

– Нет. Но я думаю, главным аргументом тут могут быть деньги. Я права?

– Ну-у-у, – протянул Гордеев, – в общем и целом да...

– Я знаю, сколько вы берете, – сказала Ирина. – Я предла-

гаю эту сумму при любом исходе дела плюс пятьдесят процентов за положительный результат плюс компенсацию всех текущих расходов – на поездки и прочее.

– И далеко ехать? – пошутил Гордеев, думая про себя: «Какая настырная баба! Хотя станешь тут настырным, когда твой муж сидит в каталажке».

– В Сибирск, – ответила Ирина.

– Ого! – иронично воскликнул Гордеев. – А чем занимаетесь ваш муж? Не медью случайно?

– А почему именно медью? – вздрогнула Ирина.

– Мне приходилось бывать в этом городе. Помню, там есть медные разработки...

– Нет, мой муж не занимается медью, – спокойно ответила Ирина. – Он занимается спортом.

– Замечательно! – кивнул Гордеев. – И в чем его подозревают?

– Его обвиняют в организации убийства.

– Обвиняют... – отозвался Гордеев. – Но при этом, насколько я понимаю, ваш муж невиновен?

– Нет.

– Тогда, если это несложное дело, меня может заменить любой профессиональный адвокат с трехлетним стажем работы. Могу посоветовать несколько фамилий...

– Спасибо, не надо. Мне нужны вы.

– Я? Почему именно я?

– Вы мне нравитесь.

– Звучит многообещающе... И чем же?

– Вы похожи на моего мужа, – просто объяснила женщина.

– А, так вы действуете в духе «голосуй сердцем»? – спросил Гордеев и снова посмотрел на свои часы.

Почти двенадцать!

Откуда-то из глубины дома донеслась мелодия старинных часов, а затем – приглушенный бой.

И в воздухе вдруг пронесся аромат Нового года – аромат праздника, снежной свежести и шампанского... Гордеев умолк на полуслове, забыв, что собирался сказать. Когда часы кончили бить, в холле на мгновение воцарилась тишина. Казалось, в самом деле кончился старый год, кончилось прошлое, открылась чистая страница настоящего и будущего.

– Люблю, когда бьют часы, – сказал Гордеев.

Ирина кивнула:

– Серафима, эта женщина, которая привезла вас сюда, обожает старинные вещи. И часы с боем тоже. Правда, ходят только одни. На втором этаже.

– Так чем, вы говорите, занимался ваш муж? – спросил Гордеев, усаживаясь на диван.

– Мой муж – бывший олимпийский чемпион по стендовой стрельбе.

– Разве это олимпийский вид спорта? – удивился Гордеев.

– Да... Вы ужасно похожи на моего мужа – жестами, мимикой, когда вы сердитесь, когда удивлены. Я уверена, вы и мыслите, и действуете похоже. Вам будет проще его понять.

– Хорошо, я готов вас выслушать, – после небольшой паузы сказал Гордеев.

– Вы переночуете здесь, а утром вас отвезут в Москву, – предложила Ирина. – Согласны?

Гордеев заколебался.

– У вас будет все необходимое, – продолжала она, – бритвенные принадлежности, уютная комната. Вкусный завтрак. Лучше, чем в пятизвездочном отеле.

– У вас нет моего крема после бритья, – пошутил Гордеев.

– Каким вы пользуетесь? – спросила Ирина.

Гордеев назвал марку. Ирина победно прищурилась.

– Вы будете приятно удивлены, но мой муж пользуется таким же! – заявила она, тряхнув головой. – Я же говорила, вы похожи!

Глава 2

В далекой таежной глуши расположена колония общего режима № 5281. До ближайшего вольного поселения больше тридцати километров. Колонию связывали с ним проселочная дорога, выющаяся среди бескрайней зелени лесов, словно тонкая вена, да прямая, будто бритвой прорезанная ветка железной дороги. По железке отсюда вывозили пиломатериалы, производимые зеками. А привозили продукты и новые партии заключенных. Но чаще составы сюда шли порожняком.

Колония числилась в благополучных. Лес не только поставляли государству, но и активно сбывали налево. Начальство было «в шоколаде» и потому не вмешивалось во внутренние дела заключенных. Лишь бы не было громких залетов и работа велась исправно.

В этой самой колонии отбывал наказание по «мокрой» 105-й статье за убийство, сопряженное с разбоем, Андрей Игоревич Васильев по кличке Чахлик. Прозвище это он получил еще в первую ходку «по малолетке» за то, что очень рассмешил пацанов анекдотом об украинском Кошце Бессмертном – Чахлике Невмерушем. Несовершеннолетним правонарушителям понравилась история, и они постановили называть Андрея Чахликом, хотя парнем он был вполне здоровым и крепким.

Все свои три ходки Чахлик отбывал наказание по этой статье – разбойное нападение. Денег зарабатывать он не умел, да и не хотел. Поэтому приходилось отбирать их у других. Вот и сейчас, в очередной раз оставшись без денег в родном Сибирске, он пас в трамвае старушку-мешочницу, ехавшую с рынка, и в подъезде напал на нее с финкой в руке. Женщина, несмотря на нож, сопротивлялась, и тогда Чахлик ударил ее. Ударил хоть и не ножом, рукой, но слишком сильно, и, прихватив добычу в две тысячи рублей и блок сигарет, бежал с места преступления, оставив тело торговли на лестнице. Старуха сильно ударилась головой о ступеньку, потеряла сознание, но, к счастью для Чахлика, осталась жива.

Взяли его быстро, и скоро Чахлик оказался на зоне. Было это два месяца назад. Зная о склонности разбойника-рецидивиста к бахвальству и его приверженность так называемой воровской идее, смотрящий поручил Чахлику подбирать молодежь, желающую приобщиться к уголовной среде. Поэтому истинные масштабы преступления Чахлика знали на зоне лишь несколько приближенных к смотрящему. Они выказывали на людях несколько насмешливое уважение к «правильному пацану», а остальные заключенные побаивались и уважали грозного и мстительного Чахлика. Третья ходка в его годы – это не шуточки...

На тайгу опускался тихий летний вечер. Рабочий день был давно закончен. Зеки отдыхали. Возле одного из барачков

расположилась компания из шести человек. Четверо сидели на корточках, один сидел на стуле с гитарой, шестой стоял рядом и отгонял от гитариста мошкарку.

Стоит на вышке часовой,
Он охраняет мой покой,
И Богом проклинал родную мать, —

надрывно фальшивил Чахлик, бренча на гитаре, подвязанной черным бантом. Гитара была ободранной, старой, с полустершимися переводными картинками — длинноволосые блондинки в овальных рамках.

— Еще один комар на меня сядет, придушу, падла, — сказал он парню, отгоняющему мошкарку. Парень испуганно съехался и быстрее замахал лопухом, а сидящие на корточках подобострастно засмеялись.

Мне наплевать на белый свет,
Мне по закону скидки нет,
А значит, мне свободы не видать, —

продолжал надрываться Чахлик, глядя на солдата, стоящего на вышке. Тот слушал певца, опираясь на бортик будки и посмеиваясь.

— Вот смотрите сами, пацаны, — прервал песню Чахлик. — Разве справедливо, что этот вертухай стоит над нами? Его, гада, там даже комары не жалят. А мы тут должны мошкарку

кормить. Вот она жизнь какая паскудная штука...

– Да, блин, – протянул один из сидящих и глубоко затянулся сигаретой. – Кому шконка, кому – золотая коронка.

– Подыми на меня, – сказал ему товарищ. – Одолели кровососы! Сегодня комарье совсем взбесилось.

– А ты закури, Калина. – Чахлик протянул пачку сигарет «Прима».

– Не, благодарю, здоровье дороже.

– Ну гляди сам. – Чахлик с неприязнью посмотрел на Калину.

Не нравился ему этот плотный хитроватый парень, севший за мошенничество у обменного пункта.

– Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет, – рассмеялся курящий и дыхнул на Калину едким дымом.

– Это правильно, – поддержал его Чахлик. Этот пацанчик был ему по душе. Резкий, развинченный, дерзкий с начальством хулиган по кличке Сека был ближе всех к тому идеалу молодого вора, который имел в своем представлении Чахлик.

Я медвежатник – крупный вор,
И суд мне вынес приговор,
На всю катушку гады раскрутили,
Нажмут курок, закажут гроб,
Короче жизнь – короче срок,
И, значит, мне свободы не вида-ать.

Чахлик продолжил пение, думая о том, как бы хорошо можно было срезать гадского вертухая с вышки. Например, из ружья брата... Были у того винтовки на любой вкус, и, пока он еще не сел в первый раз, брат давал ему подержать их в руках. Хотя с тех пор немало стволов прошло через руки Чахлика, винтовки с оптическим прицелом брата, их полированное дерево, холод металлического ствола и прицел, через который, как в подзорную трубу, можно было разглядеть все вокруг, он запомнил на всю жизнь.

– Вечер добрый, Чахлик. – Вкрадчивый голос вывел певца из размышлений.

Неподалеку стоял невысокий худой человек, перебирающий красивые янтарные четки в тонких пальцах. Четки издавали приятные щелкающие звуки. Иметь такие было мечтой Чахлика.

– Вечер добрый, Рыжий. – Чахлик поднялся со скамейки.

– Разговор есть, поди сюда. – Зек улыбнулся золотозубым ртом, за который и получил свое прозвище.

Чахлик не спеша, вразвалочку подошел к Рыжему.

– Крупный вор, говоришь, – усмехнулся тот.

– Это не я, это песня. – Чахлик смотрел на мелькающие в пальцах желтые четки. Однажды он видел, как этими самыми пальцами Рыжий выдрал глаз зеку, который опрометчиво поставил его на кон в карточной игре.

– Ладно, не тушуйся. – Рыжий перекинул четки в другую руку. – Как наша молодежь? Кого порекомендуешь поднять?

Они стояли так, что Чахлик был обращен спиной к компании, а Рыжий, напротив, видел всех хорошо. Он не смотрел собеседнику в лицо, его цепкий взгляд перебегал с одной фигуры на другую.

– Вот Сека, например, правильный пацан, – заговорил Чахлик, глядя в плечо Рыжему. – По понятиям живет. Воров уважает. Резкий, смелый...

– Это хорошо, – прервал его собеседник. – А о Калине что скажешь?

– Жучило он, Калина этот, ему деловым быть, а не правильным пацаном. Все подходцы какие-то блядские, все с подковыркой. Умный больно.

– Так это ж хорошо, что умный. Не всем же за три копыа десятку тянуть, – усмехнулся Рыжий. – Человеку на то и голова дана, чтобы умным быть.

Чахлик обиженно засопел, а Рыжий хлопнул его по плечу:

– Не парься, шучу. Я так понимаю, что этого Секу ты выделяешь?

– Да.

– Лады. Придумай, как его проверить. Ну и, понятное дело, замазать поплотнее. Постарайся и Калину к этому привлечь. Как придумаешь, приходи к нам, потолкуем, поможем чем, если надо. Лады?

– Лады... Понял.

– Да, и еще вот что. – Рыжий посмотрел Чахлику в глаза. – Ты, говорят, машку себе персональную завел. – Он показал

глазами на парня с лопухом, испуганно жмущегося к стене.

– Да я... – Чахлик с ужасом глядел в темные зрачки Рыжего.

– Смотри, малый, мы все знаем. Не ссы, но и не наглеЙ. Ясно? Пока воры на твоей стороне. Живи давай.

Рыжий повернулся и пошел прочь. А Чахлик решил, что сегодня же отправит парня к главпетуху. Пусть со всеми опущенными вместе живет. Он вернулся к компании и, заметив, что часовой смотрит в другую сторону, несильно ударил парня с лопухом ногой в живот. А потом взял гитару и снова запел. Но тут случилась неприятность – порвалась первая струна.

Чахлик плюнул и пошел в барак.

В колонии царили волчьи законы. Но был среди этой стаи один человек, который не подчинялся этим законам. Его звали Сергей Бабурин.

Он попал на зону случайно. По его собственным словам – по причине излишнего темперамента. На какой-то вечеринке в ресторане подрался с пьяными бандюками и, поскольку был разрядником по боксу, так крепко им наподдал, что одного отправили в травматологию с множественными переломами лицевой части, а второму пришлось вправлять челюсть.

На зоне Сергей стал неожиданно читать духовную литературу, прослыл блажным и, после того как со смиренным

выражением лица нокаутировал двоих излишне настырных зеков, был вызван на беседу к смотрящему. После этого всем велено было оставить блажного в покое.

Бабурин жил тихо, спокойно работал. Правда, в последнее время к этому сильному человеку стали тянуться многие из так называемых мужиков. Но авторитету воров это пока не вредило, и они смотрели на эти духовные собрания сквозь пальцы. Они послали пару раз своих людей, чтобы послушали, чем это занимаются мужики, но ничего вразумительного «засланные казачки» объяснить не сумели. Блажной говорил длинно и витиевато, и, хоть понятного было мало, уходить не хотелось, а хотелось сидеть и слушать, слушать... Воры не понимали, откуда взялось такое странное свойство. Покумекав немного, решили, что, раз никакого вреда эти собрания не приносят, трогать блажного не надо.

На лесосеке был объявлен перекур. Чахлик вышел сегодня на работу. Он не прикасался к инструменту и целый день проспал в мягких еловых ветках. Сейчас он проснулся и с раздражением слушал беседу блажного Сергея с тремя мужиками. Они не заметили спящего и устроились на перекур неподалеку.

– Смирение, друзья мои, есть лучший путь для человека, – говорил Сергей. – Вот птичка небесная, вечная странница, не пашет и не сеет, дома не имеет, а если нет у нее, к примеру, корма, то она смиряется, и корм сам появляется. Так и человек должен поступать – не сеять и не жать, а только

долг свой исполнять.

Чахлик прислушивался к странным зарифмованным фразам блажного и удивлялся, как же это у него складно выходит.

– А труд, от которого отказываются заблудшие, – продолжал Бабурин, – есть лучшее лекарство в горестях. Лень и безделье страшные пороки. Они порождают извращенную злобу и похоть, заставляют человека совершать гнусные поступки.

– Что правда, то правда, – сказал один из слушателей, покусывая хвояну, оторванную от ветки. – Я на воле часто в командировки ездил на поезде. Бывало, едешь три-четыре дня. Заняться нечем – такая дурь в голову лезет.

– Заняться, говоришь, нечем? – наконец вылез из своего убежища Чахлик. – Вот и возьмешь мою норму на сегодня, понял? Работа дураков любит.

– Я не могу, – испуганно возразил мужик.

– Чего?! Как это – не могу? Охренел, что ли?

– Я за Рыжего делаю. – Мужик вжал голову в плечи. – Не успею.

– Ладно, тогда ты возьмешь. – Чахлик ткнул пальцем в другого рабочего.

– Он тоже не может, – вступился Сергей. – Попроси своих прихвостней, Секу или Калину.

– Ты мне еще указывать будешь, попадья! – Чахлик замахнулся на Сергея.

Тот вскочил на ноги и остановил руку зека. Ладонь у него

была мощная, и Чахлику показалось, что его руку сжали стальные тиски.

– Не надо. Мы тебя не трогаем, и ты нас не тронь. – Сергей смотрел Чахлику в глаза, и тот не видел страха в его взгляде.

– Ладно, отпусти руку. – Зек потер запястье, занемевшее в стальной хватке. Он огляделся по сторонам. Кажется никто не видел, как он спасовал перед мужиком.

– Сочтемся еще, блажной! – с ненавистью сказал Чахлик, отходя в сторону.

– Мне с тобой считать нечего, – спокойно сказал Сергей. – А про разговор наш никто не узнает. Не бойся. Я порядки знаю. И нарушать их не буду.

Чахлик отправился искать Секу и Калину. В его голове уже зародился план мести.

Смотрящего на зоне, где сидел Чахлик, звали Усманом. Это был старый вор, который двадцать пять лет из своих пятидесяти провел в заключении. Лагерь был для него родным домом, и когда Усман выходил на свободу, чувствовал себя неуютно, как в чужой стране. Поэтому торопился снова совершить что-нибудь такое, чтобы вернуться к привычному укладу жизни.

Колонией он управлял уже пять лет. Советниками при нем состояли Рыжий и Мозырь, но решения Усман принимал всегда единолично.

Была ночь. В черном углу, где жил Усман, колготилась

его кентовка. Бойцы сегодня получили добро на пользование услугами опущенных. Возле входа в отгороженный угол барака сидел на полу главпетух Петюня, пожилой, совершенно обабившийся зек, с писклявым голосом и желтыми белками коровьих глаз. В большой полиэтиленовый пакет с изображением грудастой девицы в купальнике Петюня собирал дань за пользование его гаремом. Бойцы бросали ему пачки чая, бутылочки с одеколоном, пакетики с анашой и получали взамен на какое-то время «девочку», как называл своих подчиненных начальник. Встречи происходили на двухъярусной шконке, отделенной от барака временной ширмой из одеял.

В самом логове Усмана сидели он сам, Рыжий и Мозырь, а также те, кто ждал своей очереди. Мозырь и Усман курили анашу и запивали это дело водкой. Рыжий только пил.

– Ты посмотри, что делается, Усман, – сказал Мозырь, выпустив дым. – Смены нам нет никакой. Жизнь на воле настала сладкая. Редкий вор на зону идти хочет. Забывают законы. В золоте купаются. Кто держать порядок будет, когда мы выйдем?

– Сладкая, говоришь? А ты не люби сладкое, а люби горькое. Чтобы потом не расстраиваться попусту.

– Ну а тут-то, на зоне, сладкого мало.

– Ну это кому как, – задумчиво пробормотал Усман. – Кому и на киче дом родной.

– А ты не выходи, – сказал Мозырю Рыжий. – Мочкани кого-нибудь – и еще десятерик обломится. Вот и зона без

присмотра не останется.

– Типун тебе на язык. – Мозырь выпил и закусил хлебушком. – Я еще погуляю. Да и не по понятиям это вору в юшке мараться. Слава богу, бойцов не переводится.

– Да этого хлама вал, – сказал Усман, который полулежал с закрытыми глазами, откинувшись на цветные засаленные подушки. – А вот ребята с головой попадают все реже. Некому скоро будет этим бакланьем рулить. Правильно я говорю?

Он обратился к крепкому узколобому парню, с сопением прислушивающемуся к рычанию и скрипам за занавеской.

– Нет базара, Усман, – улыбнулся парень остатками выбитых и сломанных зубов.

– Вот смотрите... Он даже не вкурил, что говорят. – Усман взъерошил ежик седых волос, а Рыжий расхохотался. Несмело засмеялся и узколобый парнишка.

В этот момент в загородку зашел Чахлик. Воры приветствовали его почти как равного. Предложили место за столом, предложили стакан, косячок. Но Чахлик отказался, сел в сторонке, он знал, что не всякое приглашение следует принимать. Как говорится, ваше дело предложить – наше отказаться. Не по чину ему пока что с ворами за одним столом сидеть.

– С чем пожаловал, друг ситный? – спросил Усман.

– Да дело такое. Рыжий сказал, что интерес к двум пацанам моим имеете. Что проверить их нужно. Предложение

есть у меня.

– Ну пацаны, положим, наши. – Усман нахмурился.

– Извини, ошибся. – Чахлик побледнел и сглотнул слюну.

– Ладно, замнем. Ну да, имеем мы интерес. Так что у тебя за предложение?

– Блажного надо поучить. Совсем нюх потерял, мужиков мутит, забил на порядочных людей.

– На нас он не забивал. – Рыжий выпил водки и закусил хлебом. – Но мужиков и вправду мутит. Знаю.

– Рассказывает какие-то байки, – подливал масла в огонь Чахлик, – глядишь, в мужицкие авторитеты выбьется.

– Ну мужикам тоже главный нужен... – рассудительно сказал Мозырь.

– Главный-то главный, – парировал Рыжий, – но не авторитет. Авторитеты на зоне всегда из воров должны быть. Это закон. А то вон и Петюня тоже – волю дай, он в авторитеты полезет.

– Вот человек, – возмутился Усман. – Дал ему права, так живи и радуйся. Так нет, других за собой тянет.

– Ты хочешь Секу с Калиной на блажном проверить? – спросил Рыжий.

Чахлик кивнул. Рыжий вопросительно посмотрел на Усмана. Тот задумался.

– Только смотрите, без мокрухи. Пусть здоровье его заберут, – произнес наконец Усман.

– Монтировками замесят – и весь сказ, – сказал Чахлик.

Его ладони сжались в кулаки, а в глазах появился звериный, мстительный огонь.

– Ты не кипятись, – спокойно сказал Усман. – Он хоть и блажной, а таких, как ты, пару-тройку загасит легко. Завалить-то мы его всегда можем потом, а вот авторитет пострадает. Справятся твои ребята?

Чахлик пожал плечами.

– Уверен в них, я спрашиваю? – чуть громче спросил Усман.

– Да, – сказал Чахлик, но прозвучало это как-то не слишком убедительно. И главное – присутствующие воры это заметили.

Мозырь неожиданно сказал:

– Не сделают, грош им цена. Имей в виду. И тебе, Чахлик, тоже.

– Ты гляди, – прибавил Рыжий, – авторитет зарабатывается тяжело, а вот потерять его можно в две секунды.

– Ладно, не пугай пацана, – вступился Усман. – Мы подумаем, как по понятиям все решить.

Усман положил на стол пачку чая:

– Брось Петюне за петуха. Иди.

Чахлик взял пачку и вышел из загородки.

Когда через пятнадцать минут он вылез из-за занавески и отдал засаленный влажный порножурнал следующему зеку, тот передал ему приказание снова явиться к Усману.

Мозыря уже не было, главвор спал, за столом сидел Ры-

жий.

– Делай все правильно, – сказал он Чахлику и положил на стол два остро заточенных коротких куска ножовочного полотна.

Чахлик взглянул на них и не смог сдержать вздоха:

– Но ведь Усман говорил...

– Мы тут посоветовались и решили, что так будет вернее. Да ты не вздыхай. Все будет путем. Когда они его замесят, перережешь ему горло. А пiski отдашь им, пусть сами решают, что делать. Вкурил?

Чахлик кивнул, не подозревая, что это проверка не только для Секи и Калины, но и для него.

– Смотри не тормозни. Тобой с воли Титан интересуется. Знаешь такого?

– Знаю. В смысле – слышал.

– Ну вот и ладушки. Иди.

Чахлик ушел, гордясь и размышляя о том, чем же он приглянулся Титану.

– Ни шиша он не понял, по-моему, – сказал со своего места Усман.

– Да он дурачок, я всегда говорил, – откликнулся Рыжий.
– Ну поглядим, как будет делать дело.

...Место для расправы над Сергеем Чахлик выбирал долго. Он не хотел рисковать, зная, что помощников у него будет только двое, а блажной очень сильный боец. Он до сих

пор помнил, как Бабурин схватил его за запястье.

Одновременно Чахлик готовил Калину и Секу, внушая им мысль о необходимости проучить Сергея и что это дело угодное ворами и оно без сомнения поможет ребятам подняться. Калина и Сека согласно кивали, но что они думают на самом деле, Чахлик разгадать не мог. И из-за этого волновался. Но в конце концов он решил, что даже если они не справятся с заданием, то это их личное дело, которое его, Чахлика, если и затрагивает, то лишь самую малость.

Местом нападения был выбран распилочный цех, точнее, узкий и длинный «карман» у входа в помещение. Это место устраивало Чахлика тем, что здесь у Сергея не было возможности маневрировать, и если нападающие встанут по обеим сторонам от входа и не пропустят жертву на свое место, то несчастный будет вынужден постоянно поворачиваться к кому-то из палачей спиной, а это равносильно поражению. Потому что уголовники, не задумываясь, всегда нападают сзади, из-за спины, в прямом и переносном смысле, несмотря на все свои «понятия». Так всегда поступал и Чахлик.

Три уголовника стояли у большого окна в распилочном цеху и поджидали жертву. Окно состояло из ячеек, многие из которых были разбиты, а другие покрыты толстым слоем маслянистой грязи. Через окно преступники смотрели наружу, опасаясь быть замеченными раньше времени. Чахлик нервно перекачивал окурок из одного угла рта в другой, Сека заметно нервничал, спокоен был только Калина.

Чахлик и раньше замечал, что нервы у этого пацана будь здоров, как стальные канаты. Хладнокровию Калины можно было только позавидовать. Что Чахлик в глубине души и делал.

– Размажем козла по стенам, – подбадривал себя Сека. – Будет знать, как хвост на воров подымать. Гнида!

– Не кричи, Сека, – спокойно сказал Калина. – А он точно придет, Чахлик?

– Прибежит, дело верное, охраннику «корабль» плана обещан.

– Целый «корабль» за такого козла? – взвизгнул Сека. – Да ты лучше бы мне этот «корабль» отдал. Я бы его за шкиряк приташил.

– А он тебя вместе с «кораблем» проглотил бы и не поморщился, – иронично сказал Калина.

– Да что он, медведь гималайский, в самом деле? – возразил Сека, в глубине души понимая, что Калина прав.

– Тихо тут! – прикрикнул на них Чахлик. – Охранник его как-нибудь выманит. Придет, никуда не денется.

– А что, его в бараке нельзя было загасить? – поинтересовался Калина. – Зачем такие сложности?

– За надом! – огрызнулся Чахлик. – Делай что велено и поменьше вопросов задавай.

– Идет, – прошептал Сека. – Ох и здоров же, черт...

По двору к цеху шел Сергей. Было жарко, и он шел по пояс голый, обмахивая мускулистое тело еловой веткой. Бронзо-

вые бицепсы играли под блестящей загорелой кожей. Блажной был совершенно спокоен в сознании своей силы и душевного здоровья. И не заметил, как в разбитом окне цеха мелькнули три тени.

Сека машинально пощупал собственные мускулы, но, заметив насмешливые взгляды Чахлика и Калины, опустил руки и принял независимую позу.

– Вот мой брательник бодибилдингом занимается...

– Затухни! – шикнул на него Чахлик. – Я заднюю дверь запираю и с этой стороны захожу.

Чахлик пропустил подельников в узкий «карман» и закрыл за ними дверь в цех. Он увидел, как кивнул ему Калина и как он и Сека, взяв в руки монтировки, встали по обе стороны у входа. Чахлик подпер ломом дверь и метнулся к боковому выходу. Он выглянул из-за угла и увидел, что Сергей открыл дверь в цех и вошел внутрь. Чахлик по мягким еловым лапам бросился ко входу. Сергей стоял перед закрытой внутренней дверью и непонимающе оглядывал изготовившихся к нападению парней с монтировками.

– Привет, блажной, – услышал он за спиной голос и обернулся.

Перед ним стоял Чахлик и смотрел Бабурина в глаза. Лицо его пылало ненавистью. В руках у Чахлика не было ничего, и блажной все понял.

– Привет, Чахлик, – спокойно сказал Бабурин, – в чем дело?

— А ты не догадываешься? — насмешливо произнес Чахлик.

Бабурин покачал головой. Чахлик снова позавидовал его выдержке. Ведь знает же, гад, что ему отсюда не выйти... И хоть бы что. Хоть бы голос дрогнул.

— Я сказал, что мы с тобой посчитаемся. — Чахлик очень боялся, что Сергей кинется сейчас на него, но показать трусость пацанам не мог. — Вот и настал мой черед поучить тебя. Давайте, пацаны!

Бабурин едва успел обернуться, но было поздно. С двух сторон на него обрушились тяжелые монтировки. Он попытался схватить нападающих за руки, но они отпрыгнули. Следующие удары обрушились на плечи, ребра... Могучий Бабурин закачался.

Чахлик наблюдал до тех пор, пока блажной не стал падать в его сторону. Андрей, быть может, с излишней поспешностью закрыл дверь, и как раз вовремя. О железный лист с грохотом ударилось могучее тело Сергея. Он попытался вырваться, но удары монтировками сыпались на него с двух сторон, и он не выдержал.

Чахлик из-за двери с удовольствием и возбуждением прислушивался к сдавленным крикам боли и глухим ударам, доносящимся из-за двери.

Выждав несколько минут, он снова открыл дверь. Бабурин уже был весь в крови. Чахлик приказал своим подручным не бить жертву по голове, чтобы продлить его мучения и не

убить раньше времени. Те кивнули и продолжили. Андрей не спеша закурил бычок, достал из кармана завернутые писки, выбросил бумагу и, зажав бритвы в кулаках, направился к жертве.

– Харэ, – негромко произнес Чахлик.

Сека и Калина остановились, тяжело дыша и сплевывая сквозь зубы.

Сергей лежал на полу возле входа. Тело его было покрыто синяками и кровью. Из рта шла кровавая пена. Он пытался поймать ртом воздух, но это не удавалось. Сергей был страшно избит: переломанные руки, раздробленные ребра, огромная кровавая рана на спине, – видимо, сюда монтировка угодила острым концом. Но голова была цела и несчастный был еще жив. Над телом стоял только Сека, у него была разбита бровь и начинала опухать скула..

– Вот гад! Успел-таки мне двинуть... – Сека потирал скулу.

– Ну что, – обратился к Бабурину Чахлик, – теперь ты понял, что твоей жизни цена – три копейки?

Бабурин пытался что-то сказать, но ничего, кроме хрипа, он издать не смог.

Но вдруг он затих, резко перевернулся и встал. Уголовники отшатнулись. Каким-то невероятным усилием Бабурину удалось распахнуть внутреннюю дверь. Но тут его настиг сокрушительный удар монтировки. Бабурин снова упал.

Лом, которым Чахлик подпирал вход, валялся неподале-

ку. Сека со злобой смотрел на Сергея и тяжело дышал.

– Калина!

– Что?

– Пойди спрячь монтировки. И вымой их как-нибудь...

Когда Калина отошел, Чахлик склонился над телом. Сергей смотрел на него и тихо стонал.

– Ну что, бычара, отвоевался? Пора к Боженьке.

Чахлик приставил два лезвия к горлу жертвы и резко полоснул по сонным артериям. Сергей захрипел, хлынула кровь. Сека вздрогнул. Чахлик подержал руки в горячих струях.

– Вот так, парень... – Андрей решил, что сейчас самое время произнести что-нибудь поучительное для молодого подручного. – Если не ты убьешь, то тебя убьют...

В этот момент подошел Калина. Он остановился, глядя на Чахлика.

– Сделал?

Тот кивнул:

– Вымыл и песком протер.

– Молодец... Подите-ка сюда. – Чахлик выпрямился и протянул к ним окровавленные руки. – Возьмете мокруху на себя. – Он вложил парням в руки лезвия и измазал их ладони в крови. – Меня здесь не было. Ясно?

Те кивнули.

Чахлик, сплюнув, неторопливо пошел к выходу, оставив подельников возле труп.

...Скоро весть об убийстве в распилочном облетела весь лагерь. Секу обнаружили прямо на месте преступления. Он сидел на корточках и курил, сжимая сигарету пальцами в застывшей крови.

– С кем вместе резали?! – бесновался пожилой капитан, начальник караула.

– Один я был, – лениво сказал Сека и сплюнул себе под ноги.

– Одного бы он тебя раздавил как клопа. Не врать мне, подонок!

– Один... – повторил Сека.

Капитан с размаху ударил его ногой в лицо. Сека перекатился через спину и вскочил на ноги, растирая ладонью кровавые сопли.

– Ну, сучара. – Он кинулся на капитана и был опять сбит с ног. Двое солдат, приседая и ухая, принялись избивать его прикладами.

– Хватит, – приказал капитан. – В ШИЗО его. И шмон по баракам. Живо.

Обыск в бараке дал неожиданный результат. Перепачканное кровью лезвие нашли в матрасе Сиропа, ссученного спекулянта, которому оставался месяц отсидки. Когда Сиропа привели в барак и показали ему писку, его лицо выразило такое неподдельное изумление, что капитан сразу понял, что к чему.

Никто особо не верил в то, что этот стукач зарезал блаженного, но факт есть факт. В лагере следствие обычно надолго не затягивается. Да и начальство было радо оставить информатора еще на несколько лет в колонии.

Когда Сиропа вели в ШИЗО, его лицо было в слезах.

– Это не я... Не я это... – хрипел он конвоирам.

– Знаем, – сказал один из них, молодой высоченный лейтенант, – но ничего не поделаешь. Терпи...

Сека парился в изоляторе, а Калина как ни в чем не бывало ходил по зоне. Чахлик наблюдал за ним со стороны, но парень не выказывал никакого беспокойства, ничем не выдавал себя и не пытался первым заговорить. Чахлик тоже молчал, хотя его так и подмывало сходить к Усману и поинтересоваться, как воры оценили его труды. Но надо было выждать, пока все успокоится.

Через пару дней, когда зеки обедали, кто-то крикнул, что Сиропа нашли повесившимся в ШИЗО. Все побежали смотреть.

Через некоторое время из ШИЗО вертухаи вынесли труп. В толпе зевак Чахлик и Калина оказались рядом.

– Бойкий ты парень, – прошептал Чахлик. – От себя отвел, Секу хотел подставить.

– Нет, – тихо сказал Калина. – Он сам хотел на себя все взять. Когда ты ушел, он так и сказал: иди, дескать, я все на себя возьму.

– Да ну! – удивился Чахлик.

– Можешь сам спросить, – спокойно ответил Калина, – ну я и ушел.

– А Сироп?

– Я ссученного подставил. – Калина посмотрел прямо в глаза Чахлику, и тот невольно отвел взгляд. – Может, тебе жаль Сиропа? Ты скажи, я могу и признаться, что его подставил.

Чахлик молчал. Калина еле заметно улыбнулся.

– Я разберусь с тобой, гад. – Чахлик резко развернулся и пошел прочь. И почувствовал на спине насмешливый взгляд подельника.

Вечером Чахлика вызвал к себе Усман.

Андрей вошел в барак и обомлел. Усман, как и в прошлый раз, сидел за столом вместе с Рыжим и Мозырем. Четвертым в этой компании был Калина. Чахлика так поразили этот факт, что он застыл на пороге, глядя, как молодой спокойно и уверенно опрокидывает в себя стопку водки.

– Ну чего встал? – Усман кивнул Чахлику. – Проходи, присаживайся. Вон там, в уголочке.

Усман показал на стул возле шконки. Это было место для тех, кто приходил к Усману за советом или помощью в какой-нибудь разборке. Словом, место не для блатных.

– Я лучше здесь постою, – обиженно сказал Чахлик, с раздражением наблюдающий за Калиной, который ел с одного стола с ворами.

– Не тушуйся, пацан, сказано, присядь, делай как сказано, – тихо и угрожающе произнес Мозырь. – Сейчас разбирать будем твоё поведение.

Чахлик присел на краешек стула, положив на колени ладони и вытянувшись в струнку. Он чувствовал на себе тяжесть взглядов троих людей, каждый из которых мог распорядиться его судьбой. Его могли убить, опустить до мужика или даже ниже... Нет, об этом лучше не думать! Что же он такого сделал? Где отступил от воровского закона?

Чахлик смотрел в глаза то одному, то другому из своих судей и не находил ответа. Они молчали, молчал и он. Наконец Усман и Рыжий переглянулись и последний, развернувшись на стуле, начал говорить:

– Не бзди, Чахлик, серьёзного косяка за тобой нет.

Чахлик облегченно вздохнул и приободрился. Но тут же помрачнел, видя, как Калина, его подручный пацан, важно кивнул, будто подтверждая слова вора. При этом Калина хрумкал квашеную капусту, большая миска которой стояла посреди стола.

– Мы думали, увидишь, кто здесь сидит, сам поймешь, где ошибся. Но ты не понял. Так? – Рыжий неторопливо закурил и достал из-под стола ещё одну бутылку водки.

Чахлик кивнул и облизал пересохшие губы.

– Вот потому ты сидишь здесь, а этот пацан, – он указал на Калину, – с нами рядом. И знаешь почему?

Чахлик молчал.

– Объясни ему, Рыжий, – сказал Усман.

– Он сделал правильную вещь, – сказал Рыжий, опрокидывая в себя стопку, – от себя кровь отвел и на суку этого стрелки перевел. Два дела зараз сделал, сечешь?

– А Сека как же... – протянул Чахлик.

– А что – Сека? Объявил себя по мокрухе. Решил показать, какой он герой. Ну накинута ему сроку, будет гордиться, дурак...

– Не горячись, Рыжий, – вступил в разговор Усман. – Сека – тоже правильный пацан, честь ему и хвала, но пользы от его геройства ни на грош. А Калина нас от Сиропа избавил. Понимаешь?

Чахлик неуверенно кивнул.

– Ты пойми, Чахлик, для ссученного закон не писан. Для нас он уже не человек. Вот Калина это сразу просек. И поступил как надо. Что из этого следует?

Усман внимательно посмотрел в глаза Чахлику, который до сих пор не мог полностью осознать происходящего.

– А из этого следует, что Калина – наш человек. Так что наезжать на него не надо и грозить тоже.

– И вообще, Чахлик, не бери на себя больше положенного. Вкурил? – В голосе Рыжего звучали металлические нотки. – А теперь иди и води себя правильно.

Чахлик вышел от Усмана на ватных ногах. Он понял, что его особое положение кончилось. Теперь, скорее всего, он будет простым бойцом в кентовке Усмана. Только сейчас

Чахлик сообразил, что не должен был сам убивать Сергея, ему нужно было заставить сделать это кого-то из молодых. А теперь он мясоруб, убийца, и никогда ему не подняться выше этого уровня. И так будет долгих пять лет, которые ему предстояло провести в этом лагере... Чахлик пошел в соседний барак, купил бутылку водки у деловых и провел остаток дня на своей шконке.

Через несколько дней Чахлика вызвал к себе начальник колонии. Его звали Петр Филиппович, и был он старым, прожженным плутом. Он не брезговал ничем – ни спекуляцией лесом, ни наркотиками, ни воровством с лагерной кухни. Зеки даже шутили между собой, что, мол, держат для него персональную шконку в бараке, потому что такого вора, как Петр Филиппович, днем с огнем не сыскать. Но судьба была милостива к начальнику, и даже в грозные советские времена Петр Филиппович не попался на своих махинациях. А с наступлением новых порядков он и вовсе перестал бояться наказания за воровство.

С властями формальными и неформальными Петр Филиппович всегда дружил. Многие из тех, кто когда-то гостил у него в колонии, теперь сделались большими шишками. С ними он был в приятельских отношениях и иногда выполнял их просьбы в обмен на помощь в делах или крупную сумму денег. За годы службы Петр Филиппович сделался очень небедным человеком, но патологическая жадность и

привычка к власти не давали ему уйти на пенсию. Он держался за свое место зубами и когтями и, скорее всего, намеревался оставаться на своем посту до конца жизни. А был Петр Филиппович человеком здоровым и бодрым, так что даже осужденные на максимальные сроки не надеялись дожить до нового начальника колонии.

Чахлик стоял посреди кабинета Петра Филипповича, как положено, заложив руки за спину. Начальник колонии молча перебирал бумаги на столе, время от времени поглядывая на заключенного поверх очков в золотой оправе. Наконец, отложив бумажки в сторону, он заговорил:

– Ну что, Андрей Игоревич Васильев, не надоело тебе на зоне?

– Да нет... – осторожно сказал Чахлик, – тепло, хорошо. Кормят...

– Но на воле-то лучше? – продолжал допытываться Петр Филиппович.

– Ясное дело. – Чахлик никак не мог понять, чего от него хотят. – На воле завсегда лучше.

– А выйти хочешь?

Чахлик усмехнулся:

– Мне еще пять годков тут трубить. Сами знаете.

– Ну уже чуть меньше, – сказал Петр Филиппович, заглядывая в личное дело Чахлика, – на два месяца... Но знаешь, кто-то и за два месяца исправиться может. А исправление и возвращение к нормальной жизни – главная цель наказания.

Начальник колонии иронично смотрел на Чахлика, который никак не мог взять в толк, зачем его вызвали.

– К тому же, – продолжал Петр Филиппович, – знаю, что отношения у тебя не очень складываются.

«Ну и ну, – подумал Чахлик, – неужели он и про последний разговор с Усманом знает?»

– Ну ладно, не буду тебя мучить. – Петр Филиппович усмехнулся и протянул зеку какую-то бумагу. – Вот читай.

Это было постановление об условно-досрочном освобождении Андрея Игоревича Васильева по причине образцового поведения и в связи с амнистией.

Петр Филиппович с самодовольной улыбкой наблюдал, как бледнеет и вытягивается лицо Чахлика. Андрей посмотрел в глаза начальнику, а тот, выдержав паузу, расхохотался:

– Ну что, не ожидал?

– Нет, – честно признался Чахлик.

– Вот так-то... Жизнь, она, брат, штука непредсказуемая. Так что открой вон тот шкаф, переоденься в гражданку. На волю выходишь, дурак. Давай швыдче.

Чахлик открыл шкаф и начал лихорадочно быстро переодеваться в чистую, абсолютно новую одежду.

– А кто.... Кто добился этого? – наконец, набравшись смелости, спросил он.

– Э-э, брат, значит, нашлись хорошие люди... Подсуетились.

Наблюдая за лихорадочно переодевающимся Чахликом,

Петр Филиппович решил дать ему напутственное слово:

– Вот ты, Андрей, молодой парень. Пора бы образумиться, на работу пойти. Делать-то что-нибудь умеешь? Не умеешь... А мог бы научиться. Короче, вот тебе мой совет. Кончай ты со своими делишками. Они тебя до добра не доведут. Все равно вернешься сюда. И тогда, скорее всего, добрых людей больше не найдется... Будешь по полной трубить.

– Кому это я понадобился? – спросил Чахлик, натягивая джинсы.

– Скоро сам узнаешь.

– Не Титану ли, часом?

– Не знаю, о ком ты говоришь. – Голос Петра Филипповича приобрел металлические интонации. – Давай выметайся быстрее. А то сейчас распоряжусь – и пристрелят при попытке, так сказать.

Чахлик замолчал, зная, что в каждой шутке Петра Филипповича есть доля правды.

Ровно через пятнадцать минут, забрав свои нехитрые вещишки из барака, зек Васильев стоял у ворот колонии. Попрощаться ни с кем Чахлику не удалось, да он и не испытывал особого желания. Могли начаться вопросы, ответов на которые он не знал. Единственное, что чувствовал Чахлик, это то, что сейчас у него начинается новый период в жизни. Плохой или хороший – пока неизвестно. Но абсолютно новый – это точно...

Возле лагерного КПП его ждали двое крепких ребят, оде-

тых в одинаковые черные костюмы. Один из них подошел к Чахлику, а второй сел за руль дорогого, но забрызганного грязью джипа.

– Привет, – пробасил подошедший. – Мы за тобой от Титана. Садись, поехали.

Чахлик важно уселся на заднем сиденье.

«Все-таки ценит братва настоящих пацанов», – самодовольно подумал он.

Машина сорвалась с места и понеслась, подпрыгивая по пыльному проселку.

Уже под вечер джип подъехал к огромному трехэтажному особняку и остановился перед воротами, осветив их фарами.

Чахлик сидел на заднем сиденье и смотрел на освещенные закатным солнцем железные пики, венчающие высоченный забор, на медленно оглядывающий машину фиолетовый глаз камеры слежения.

«Неужели такому человеку, как Титан, есть кого бояться?» – думал Чахлик, глядя, как медленно, будто нехотя, расползаются в стороны створки массивных ворот.

Машина втиснулась в образовавшийся проем и как будто провалилась, ушла носом вниз. Чахлик невольно вцепился руками в спинку водительского сиденья. Джип катился вниз, оранжевый закат гас в сужающемся створе ворот. Чахлику на мгновение стало страшно и тоскливо от мысли, что из одной тюрьмы его перевезли в другую, возможно, и гораздо

худшую, и отсюда ему уже точно никогда не выбраться. Но через секунду он снова воспрял духом и рассудил, что пока еще рано делать выводы.

Наконец машина остановилась в темном и, как казалось Чахлику, огромном подвальном помещении. Вслед за своими спутниками он прошел через узкую металлическую дверь и поднялся по узкой лестнице в освещенный внутренний коридор, застеленный мягкой ковровой дорожкой. Усталые «близнецы», как окрестил про себя сопровождающих Чахлик, молча вели его куда-то в глубь дома.

Они остановились перед двустворчатой дверью с дорогими ручками из литой меди. Ручки были начищены до ослепительного блеска. «Близнец» осторожно и уважительно постучал. На пороге появился пожилой человек в бордовом шелковом домашнем халате, с татуировкой на руках. Волосы его были покрыты гелем для волос, а тонкие губы подернуты блестками жира: он что-то жевал.

– Привезли? – Он скользнул по лицу Чахлика тусклым взглядом. – Момент.

Он исчез и через секунду появился с большой связкой ключей в руках. Заперев свою комнату, «бордовый» направился к лестнице.

– Вы здесь подождите, – бросил он «близнецам» через плечо и, повернувшись к Чахлику, сказал: – А ты иди за мной.

Они поднимались по ступеням, миновали второй этаж, а

на третьем, где было всего четыре двери, «бордовый» остановился.

– Тут поживешь пока. – Он открыл дверь и за локоть втолкнул Чахлика в комнату. – Ключей я тебе не дам. Воровства у нас, сам понимаешь, нет. – Он засмеялся кашляющим смехом. – А скрывать тебе, по-моему, нечего. Так что располагайся.

– А зачем меня привезли? – поинтересовался Чахлик.

– Со временем узнаешь.

Засим «бордовый» удалился.

Чахлик закрыл дверь и осмотрелся. Не царские, конечно, покои, но после зоны очень даже ничего. Небольшая чистая комната, кровать, два кресла, стол. В углу холодильник, в другом – телевизор. На полу зеленый ковролин.

Он открыл холодильник, который был забит разнообразной, готовой к употреблению снедью. Андрей вынул вакуумную упаковку нарезанной копченой колбасы, зубами вскрыл ее и в один присест проглотил содержимое.

Затем он обшарил все шкафы и нашел бар. Поразмыслив немного, он решил, что достоин самых дорогих напитков. Извлек из бара бутылку текилы, уселся за стол и стал пировать. Текилу он закусывал ветчиной и маринованными помидорами, которые обнаружил в холодильнике. Затем, когда бутылка опустела, Чахлик достал из бара армянский коньяк...

Через полчаса он уснул прямо в кресле, сжимая в одной

руке почти пустую бутылку коньяка, а в другой – кусок ба-
лыка.

На следующее утро Чахлик проснулся в таком же положении, в котором уснул. Голова, на удивление, не болела.

«Что значит хорошие напитки!» – с удовлетворением подумал Чахлик. Однако руки после вчерашнего немного дрожали, и Андрей полез в холодильник за пивом. Подкрепившись и похмелившись бутылкой «Хольстена», Чахлик включил телевизор и наткнулся на какой-то мексиканский сериал. Досмотрев серию до конца, он переключил программу. Здесь тоже шел сериал, который к тому же Чахлику иногда удавалось посмотреть, будучи на свободе.

Сериалы подняли ему настроение, и, пощелкав пультом и не найдя больше ничего интересного, он вознамерился осмотреть дом.

Все двери на его этаже оказались запертыми, а на стук никто не откликнулся.

Тогда, прихватив бутылку пива, гость отправился вниз. На втором этаже тоже было тихо. Чахлик прошелся по коридору, устланному пушистыми ковровыми дорожками. Вид собственных туфель не понравился Чахлику, и он, оглядевшись, начистил их до блеска краем ковровой дорожки, а потом встал возле одного из окон и, прихлебывая пиво, стал наблюдать, как какой-то мужик в белом свитере, джинсах и клетчатой кепке прилаживает саженцы в свежерытые лунки. Неподалеку от садовода стояла тележка с инструментом

и деревцами.

– Как в кино, бля! Мичурин хренов! – сказал сам себе Чахлик.

– Титан любит сам сажать деревья, – прозвучал за спиной чей-то голос. Фраза была произнесена с ударением на слове «сам».

Чахлик обернулся. Перед ним стоял «бордовый». Только теперь он был не в халате, а в дорогом сером костюме. Яркий галстук был украшен золотой заколкой с блестящими камушками.

«Неужто бриллианты?» – пронеслось в голове у Чахлика.

– А еще он любит, когда люди всегда чисто и аккуратно одеты. – Он вырвал бутылку из рук Чахлика. – И не бухают с утра.

– Я не знал, что это Титан. – Чахлик испуганно посмотрел в окно.

– Еще бы ты знал! – усмехнулся «бордовый». – Ты еще многого не знаешь.

Титан продолжал старательно высаживать деревца. Чахлик никак не мог взять в толк, почему такой крутой бугор, как Титан, не поручит это делать кому-нибудь из своей кентовки. Сам корячится...

– Мой тебе совет, фраерок... – сказал «бордовый».

Чахлик хотел было возразить против подобного обращения, но потом решил смолчать.

– Приведи себя в порядок. Прямо сейчас, – продолжал

тот. – Помойся, от тебя тюрьмой несет. Побрейся, ногти подстриги. Переоденься, вещи в шкафу найдешь. Короче, чтобы на человека стал похож. И до вечера ничего не пей. Ясно?

Чахлик кивнул:

– Куда уж яснее...

– Титан может затребовать тебя в любое время. Если не понравишься, считай, тебя уже и в живых нет. Здесь шутить не любят. Это тебе не лагерь. Здесь ошибок не прощают.

«Как будто в лагере ошибки прощают», – подумал Чахлик, но вслух сказал совсем другое:

– Благодарю за совет. – Он старался не показать виду, что испугался. – Ты про меня все знаешь, а я даже не знаю, с кем говорю.

– Баринот меня люди зовут. И ты так называй. Ну счастливо! – Он отвернулся и вошел в одну из комнат.

Чахлик уже слыхал о Барине. Это был ближайший помощник Титана, человек, беззаветно преданный хозяину и готовый для него на все. Он командовал бойцами и отвечал за безопасность Титана. Кроме того, он был организатором его операций.

Поэтому, едва услышав это имя, Чахлик поспешил наверх в свою комнату и целый час не вылезал из душа, затем причесался, переоделся (в шкафу он нашел чистую рубашку, свитер и джинсы) и чинно уселся перед телевизором. Чахлику хотелось выпить, но он сдержался.

Показывали новости. Губернатор Валеев рассказывал о

планах захвата области московской властью. Говорил о том, как он печется о сохранении средств, заработанных сибирчанами, от жадных рук чиновников из Центра. Как он, Валеев, сопротивляется произволу Центра. «Мы с вами не покладая рук работаем – каждый на своем месте, – сказал он в заключение, – и я хочу, чтобы заработанное нами оставалось в области. Так будет справедливо».

Чахлик хотел уже было переключить канал, но губернатора на экране сменил «уважаемый бизнесмен и меценат», как представила его миловидная корреспондентка, Евгений Петрович Титаренко.

Это и был Титан... Тот самый, что совсем недавно высаживал молодые деревца во дворе... Титан давал интервью телевизионщикам. За его спиной маячила фигура Барина и одного из «близнецов». Титан говорил о недопустимости теневого финансирования предвыборной кампании, случаи которого, как ему известно, имели место. Недопустимо также нецелевое использование, иначе говоря, воровство, бюджетных средств, выделяемых государством. При словах о воровстве, прозвучавших из уст Титана, Чахлика разобрал такой смех, который он не мог остановить несколько минут.

Спустя некоторое время, когда интервью закончилось, Чахлик подошел к окну и увидел, как от дома отъехала целая вереница автомобилей. Решив, что Титан, скорее всего, уехал, он решил возобновить осмотр дома.

Не задерживаясь на втором этаже, Чахлик спустился на

первый, после минутного колебания открыл дверь и спустился в подземелье, куда его привезли накануне вечером.

Это был огромный подземный гараж. Электрические блики ламп ложились на бока, крыши и стекла десятка разнообразных автомобилей, которые стояли на специально отведенных местах, – «феррари», «порше», «ягуар», «ламборгини», самые дорогие и престижные марки европейского и американского производства. У Чахлика просто разбежались глаза.

В детстве и юности машины были самым большим и недоступным увлечением Андрея Васильева. Полированные крылья, стремительные обводы, скорость всегда привлекали его. Конечно, купить машину он не мог да и не хотел. Оставалось одно – взять чужую. За угон Чахлик и получил свой первый срок... Он помнил, какое незабываемое чувство охватило его, когда он, забравшись в просторный темный плюшевый салон «ГАЗ-31», соединил проводки зажигания и услышал шум мотора. И как потом колесил по улицам ночного Сибирска на огромной скорости, пугая случайных прохожих и удивляясь, почему его не останавливает ГАИ... А причина была простой – «ГАЗ-31» принадлежал начальнику местного строительного треста. И когда Чахлика все-таки поймали, то получил он на полную катушку... Но это все забылось, а остались в памяти скорость, мелькающие огни, ощущение полета...

Вот и сейчас он стоял возле приземистого «порше» и,

поглаживая ручку двери, боролся с сильным искушением немедленно сесть за руль и прокатиться. «А почему бы и нет?» – в конце концов решил Чахлик.

Он потянул за красивый хромированный рычажок. Дверь почти бесшумно открылась. Посидев в салоне «мерседеса», Чахлик направился к стоящему напротив белому «линкольну».

Ни одна из машин не была заперта! В течение часа Чахлик развлекался тем, что, пересаживаясь из одного автомобиля в другой, наслаждался ощущением богатства и власти, которое исходило от кожаной обивки салонов, почти космических приборных панелей... Прикосновение к рулю любой из этих дорогих игрушек давало чувство необъяснимого превосходства над остальными людьми, позволяло считать себя значительным человеком. Конечно, жаль, что нельзя прокатиться по-настоящему, но, может быть, все впереди!

Наконец эта забава ему наскучила, и, опасаясь быть застигнутым за таким несерьезным занятием, Чахлик оставил гараж, планируя вернуться сюда при первом же удобном случае.

Он поднялся на первый этаж и отправился дальше бродить по дому Титана. Прошел через анфиладу гостиных, покатал шары на огромном бильярдном столе, посидел в шезлонге у бассейна, убранного под стеклянную крышу. Чахлик вспомнил детскую сказку про аленький цветочек – там купец бродил по пустому дворцу и набрел наконец на чудище.

Он же пока не встретил на своем пути никого. Даже Барина видно не было. Кажется, дом был пуст, и в то же время Чахлик звериным чутьем заключенного чувствовал, что за ним наблюдают.

Наконец, решив, что уже наступил вечер и можно расслабиться, он вернулся в свою комнату. Здесь было убрано, холодильник опять ломился от снеди, а вот в баре теперь не было ничего, кроме пива.

– Вот волки! – выругался Чахлик и заметил, что на телевизоре стоит видеомэгнитофон, а на нем стопка кассет. Чахлик включил одну из них, это был какой-то американский боевик с реками крови. Мысленно поблагодарив «чудище» за сообразительность, он набрал еды и пива и уселся перед телевизором, намереваясь провести приятный вечер. Его снова никто не побеспокоил...

На следующий день Чахлик решил в конце концов разобратся со своим странным и непонятным положением. Конечно, такая шоколадная жизнь была ему по душе, но мучила неизвестность. Сколько продлится этот рай и, главное, за что он ему подарен? Ясно, что не за красивые глаза Титан его вытащил из колонии...

Чахлик спустился на первый этаж и подошел к двери с литыми ручками, к той самой, откуда в первый день появился Барин. Постучал и, услышав невнятный голос, вошел внутрь.

В полутемном помещении с задернутыми шторами мерцали экраны нескольких телевизоров, сведенных в единый

блок. Под экранами имелся пульт со множеством ручек и переключателей. Перед ним, спиной к вошедшему, сидел Барин.

– Входи, входи, фраерок, не стесняйся, – прозвучал его насмешливый голос.

Чахлик подошел ближе, вглядываясь в изображения на экране. На одном из них он увидел двор перед домом, дорогу и ворота в подземный гараж. На двух других коридоры в доме. Барин выключил экраны, последний погас, когда Чахлик приблизился, и развернулся в кресле лицом к визитеру.

– С чем пожаловал? Садись.

– У нас говорят «присаживайся», – проворчал Чахлик, устраиваясь на стуле.

– Придется привыкать к другим словам. Не переживай, фраерок, сидеть тебе больше не придется, – рассмеялся Барин. – Пока что, во всяком случае.

– Дай-то бог...

– Ну так чего тебе?

– Узнать хочу – для чего я Титану понадобился? Зачем меня из зоны забрали? Недешево, наверное, обошлось дело?

– Соображаешь. Недешево. Только сказать тебе я ничего не могу. Про то только Титан знает.

– Так а чего не говорит? Долго я буду еще здесь прохлаждаться?

– А ты что, по киче соскучился, – усмехнулся Барин, – ностальгия замучила?

– Да нет, но все же...

– Время, значит, не пришло, – отрезал Барин. – Я ему не указка. А ты тем паче.

– Так что мне делать?

– Жди. Живи. Приглядывайся. Когда понадобится, тебя вызовут.

Барин замолчал, выжидаяще глядя на Чахлика. Тот замялся и сказал:

– А можно мне как-то из дому выйти? А то вроде как на свободе, а все равно что в тюрьме.

– Нет, этого точно нельзя. Тебя вообще до поры до времени никто видеть не должен.

– Почему это?

– Это приказ Титана. А его приказы не обсуждаются. Они выполняются – и без всяких разговоров. Понял?

В этот момент к воротам подъехали черные «Жигули» с тонированными стеклами. Зазвонил мобильный телефон на столе перед экранами. Барин взял трубку:

– Привет... Хорошо... Давайте...

Он отключил телефон и нажал кнопку на столе. Загорелся один из экранов. Чахлик увидел, как открылись ворота и в них появилась машина. А через мгновение она была уже на другом экране, где картинка коридора первого этажа сменилась изображением подземного гаража. Чахлик увидел, как из машины вышли двое, открыли багажник и вытащили из него связанного человека с черным пакетом на голове. По-

ставив человека на ноги, двое потащили его к боковой низенькой дверце и скрылись за ней.

– Это чего же, отсюда и гараж видать? – спросил Чахлик, вспоминая свое давешнее пребывание в гараже.

– Отсюда все видать. – Барин нажал кнопку, и на экране появилось изображение комнаты, куда втащили пленника из «Жигулей».

Его усадили на табурет. Затем один из бандитов отошел в сторону, а другой закурил, прислонившись к стене. Раздался мелодичный звонок. Барин поднял трубку внутреннего телефона.

– Да... Я вижу... Сейчас приду...

В это время курящий подошел к пленнику и, спихнув его ногой на пол, уселся на табурет.

– Ну что, фраерок, может на деле тебя испытать, а? – Барин повернулся к Чахлику. – Не все же тебе ханку жрать и в машинки играть.

Чахлик пожал плечами. Он представил себе, как смеялись над ним в этой комнате, когда он, словно мальчишка, вертел баранки роскошных тачек, стоящих в подвале. Да еще и изображал звуки автомобильного мотора. Ну чисто детский сад...

– Что надо делать? – злобно сказал Чахлик.

– Сейчас узнаешь. Пойдем. – Барин поднялся и направился к выходу. – Надо тут с одним мракобесом потолковать.

Чахлик двинулся следом за хозяином, разминая кулаки и

поигрывая бицепсами.

На большом экране телевизора Чахлик избивал человека с пакетом на голове. Бил жестоко и с удовольствием. Время от времени он выходил из комнаты, вместо него появлялся Барин. Он что-то говорил лежащему на полу пленнику, затем уходил, и избиение продолжалось...

– Злой парень, – кратко прокомментировал происходящее на экране Барин. – Усман был прав. Тупой, но старательный. Мясоруб. Дешевка.

Барин сидел в кресле перед телевизором рядом с Титаном.

– Он ничего лишнего не слышал? – спросил тот, разминая в тонких пальцах сигарету.

– Ты же видел. – Барин щелкнул зажигалкой, перегнувшись через подлокотник кресла. – Он выходил, я заходил, спрашивал. Да если бы и слышал... Он не сообразит, что к чему.

– Хорошо. Позови его ко мне. Время пришло.

Барин кивнул, поднялся и вышел из кабинета шефа. Титан выключил монитор и прошелся по комнате.

Через пару минут в кабинет вошел Чахлик и остановился у порога, глядя на грозного вора с робким подобострастием. Хозяин разглядывал его без стеснения, как невольника, приобретенного на рынке.

При большом внешнем сходстве с братом они разительно отличались друг от друга. Если в синих глазах Василье-

ва-старшего светились воля и ум, то глаза его брата были словно подернуты пеленой скудоумия. Старший Васильев всегда держался свободно и непринужденно, Чахлик же сутулился, переминался с ноги на ногу. Одинаково тяжелая линия подбородка и тонкие губы говорили о решительности и непреклонности одного и о сладострастности и жестокости другого. «Ну надо же, – подумал Титан, – два мира, два детства. Родные братья, а как их жизнь развела».

– Здравствуй, Андрюша, – прервал собственные размышления Титан. – Как отдыхается?

– Нормально. – Чахлик замялся, слегка сбитый с толку обращением по имени.

– Отдохнул?

– Да... – нерешительно сказал Чахлик и прибавил: – Спасибо.

– Вот и хорошо. – Титан затушил сигарету в мраморной пепельнице. – Но благодарить пока рано. Ты ведь понимаешь, что я не для того тебя из лагеря вынул, чтобы ты тут прохлаждался?

Чахлик кивнул и посмотрел на лежащую на журнальном столике пачку диковинных разноцветных сигарет.

– Кури. – Титан поймал его взгляд. – У меня к тебе есть хорошее предложение. Пора тебе, Андрей, заняться настоящим делом, а то ты скиснешь на вторых ролях. Согласен?

Чахлик закурил сигарету и едва не закашлялся от чудовищно крепкого и пахучего дыма. А хозяин между тем про-

должал:

– Усман рекомендовал тебя как надежного человека, преданного нашему делу. Есть люди, Андрюша, которые очень мешают нам. С этими людьми невозможно договориться. Их надо просто убрать. Вот для этого ты мне и понадобился.

Титан замолчал, ожидая ответа Чахлика.

– Убрать? В смысле, замочить кого-то нужно? – просипел тот.

– Правильно. Очень важного человека, Андрюша. Очень сильного. А за это получишь ты, парень, пятьсот тысяч «зелеными»...

Чахлик закашлялся, выпучив глаза, а Титан поднялся и выложил из ящика стола десять аккуратных пачек столлларовых купюр.

– ...и путевку в новую жизнь с другим именем и биографией. Мы отправим тебя за кордон, а там с этими деньгами, если не будешь дураком, сможешь безбедно жить, пока здесь все не утихнет. А дальше – хочешь возвращаться, хочешь за границей живи. Как говорится, все дороги хороши, выбирай на вкус. Ну что? Как тебе мое предложение?

– Кого надо валить? – Чахлик во все глаза смотрел на зеленые кирпичики своего будущего счастья. У него в голове промелькнуло, что просто так Титан не станет платить такие сумасшедшие деньги. Даже за убийство самого значительного человека... Но размышлять об этом сейчас ему не хотелось. Десятки самых соблазнительных картин сменяли друг

друга в воображении Чахлика. Роскошные машины, ослепительные женщины, теплые моря с песчаными пляжами, белые пароходы с бассейнами на верхней палубе, дорогие костюмы, хорошая еда... Словом, все то, что приносят человеку деньги. Большие деньги.

Картины будущей жизни теснились в его убогом мозгу, подобно кипе ярких рекламных проспектов.

– Ты подойди посмотри поближе, – усмехнувшись про себя, сказал Титан, наблюдая за ним.

Чахлик подошел к столу. Дрожащими руками он поочередно поднимал тяжеленькие плитки денег, подносил их к лицу, взлохмачивал шуршащие купюры. Титан прервал эту идиллию: широким махом руки он сгреб пачки обратно в ящик стола. Посмотрев Чахлику в глаза, он понял, что теперь тот окончательно и бесповоротно предан ему, точнее, его деньгам. Он поймал его на эти зеленые пачки, как пескаря на крючок.

Сколько раз уже Титану доводилось вот так, в течение двух минут, покупать человека... Каждый раз при этом он испытывал удовлетворение от своей неограниченной власти, но и разочарование убожеством человеческой природы, которая продается и покупается, как любая вещь.

– Бабульки уже почти твои, – сказал Титан. – Сделаешь дело – и сразу рассчитаемся. Но, как ты понимаешь, я зря деньги платить не буду. Работа тебе предстоит очень тонкая. Почти ювелирная. Вот с этим другом надо решить вопрос.

Он показал Чахлику фотографию губернатора, напечатанную в местной газете.

Чахлик присвистнул:

– Там же охраны немерено. Так, с кондачка, не подва-
лишь.

– А от тебя никто и не требует подходить к нему близко. Из винтаря валить надо. Ты что же думал, мы тебя с пиской на такого зверя пошлем? – засмеялся Титан. – Подготовим тебя недели за две, стрелять будешь как бог. Ну берешься, так?

– Ясен пень, берусь.

Чахлик не стал говорить Титану, что с глазами у него не все в порядке. Какие могут быть глаза, когда такие деньги на кону!

«Ничего, – подумал он, – напрягусь, и все будет хорошо. Терять такие деньги из-за каких-то глаз? Нет!»

– Но имей в виду. Если хоть слово, или полслова, или хотя бы звук какой-нибудь издашь по поводу этого дела, считай, что тебя уже на свете нет. Понял?

– Спрашиваете... Не маленький, все понимаю.

Титан почти отечески похлопал Чахлика по плечу и сказал:

– Хорошо. Это в твоих интересах. Теперь иди и позови ко мне Барина.

Чахлик кивнул и вышел из кабинета.

Скоро явился Барин. Титан сидел за столом:

– Позвони Маркелову. Пусть едет. Парня пусть готовит всерьез, но не затягивает. Дело надо делать быстро.

– А жить он будет здесь?

– Нет. Отсюда его уберите. Снимешь ему дом в какой-нибудь деревеньке поглуше и поближе к стрельбищу. Человека приставишь, чтоб следил за ним. Человека не нашего, понял? Чтобы никто ничего не знал.

Барин кивнул.

– Бабу ему можешь найти. Пусть расслабляется. Лучше поблядушку какую-нибудь сними. И чтоб тоже о нас слыхом не слыхивала. Пока готовится, чтоб как сыр в масле катался, чтоб думал, что важнее его человека нет, понял?

– Чего ж непонятного, – усмехнулся помощник. – Сделаем.

– Головой отвечаешь. Свободен.

Когда за Бариним закрылась дверь, Титан поднял трубку телефона и набрал номер одного из ближайших помощников губернатора Валеева.

– Алло, здравствуй Паша. Титаренко... Разговор есть.

– Конечно, Евгений Петрович. – У заместителя главы администрации крупнейшего региона Сибири был испуганный голос. Не каждый день ему приходилось говорить с самим Титаном.

– Хорошо, что не забываете нас, своих избирателей.

– Всегда рады помочь.

– Вот и славно. Нужно кое-что обсудить. Приезжай ко мне

в ресторан. Примерно через часок. Ладушки?

– Я понял. Буду.

Титан повесил трубку не прощаясь. Он знал, как обращаться с этой шелупонью, бывшими партработниками. Они без хозяина жить не могут. Все ищут, к кому бы пристроиться. Вот теперь и он, Титан, стал хозяином... А еще десять лет назад он бы и подумать не мог, чтобы вот так запросто, по-хозяйски общаться с чиновниками. Теперь вот они у него все где!..

Титан сжал кулак и удовлетворенно улыбнулся.

А после этой операции власть в регионе фактически перейдет к нему. Таких услуг, которые он оказывает начальной верхушке, не забывают. Да он и не даст забыть.

Чахлик жил теперь как король. Отдельный дом на окраине дачного поселка, красивая и нежная женщина по имени Галина, личный автомобиль, который каждый день возил Чахлика на тренировки. Не «мерседес», но вполне приличная «девятка».

Наставник Маркелов работал с подопечным по четыре-пять часов в день.

Он обучал его стрелять из винтовки с оптическим прицелом и был доволен неплохими результатами своего подопечного. У этого сидельца, так Маркелов называл Чахлика, был талант, какое-то врожденное чувство оружия, поэтому обучение шло быстро. И уже через неделю инструктор доложил

Михайлу Спиридоновичу, в миру Барину, что ученик выходит на завершающую стадию обучения.

Чахлик старался вовсю. И даже когда у него все темнело перед глазами, а в оптическом прицеле вместо четкой картинки видел расплывчатые пятна, он усилием воли заставлял себя целиться и стрелять. К счастью, расстройство зрения было кратковременным, и через несколько секунд расплывчатые пятна снова становились четкой картинкой.

Сегодня Чахлик проснулся, по обыкновению, рано. Рядом, отвернувшись к стене, посапывала Галина. Чахлик погладил ее по голой гладкой спине. Женщина забормотала и повернулась на другой бок.

– Галя, – негромко позвал он.

– Что, уже встаем, Андрюша? – спросила она, открывая глаза.

– Да, пора. Скоро машина придет.

– Может, не так скоро. – Галина улыбнулась полными губами с остатками алой помады и сладко потянулась, выпростав из-под одеяла большую белую грудь.

Это повторялось каждое утро. Они с Галиной развлекались до той поры, пока машина, прибывшая со стрельбища, не начинала сигналить под окнами.

Так было и на этот раз. Гудок раздался в самый ответственный момент и перекрыл художественно-страстный стон Галины. Чахлик мгновенно поднялся и, матерясь, стал

одеваться.

Галина тоже вскочила и, натягивая на себя халат, заметалась по комнате, собирая ему завтрак с собой. Впрочем, в этом не было необходимости – на стрельбище еды было достаточно.

Через две минуты Чахлик уже сидел в машине на заднем сиденье рядом с Маркеловым, который приехал сегодня за ним сам.

– Опять с бабой возился, – проворчал учитель.

– Угу, – кивнул Чахлик, запихивая в рот кусок яблочного пирога.

– Перед делом велю увезти ее, на фиг, отсюда. А то руки дрожать будут.

– А руки-то тут при чем? – проворчал Чахлик. Но спорить не стал. К тому же профессиональные ласки Галины уже стали ему приедаться. Перед глазами стояли десятки других женщин, красивых, стройных, страстных, которые по одному щелчку его пальцев будут выстраиваться в очередь, раздеваться, одеваться, водить хороводы и делать массу других приятных вещей, обеспеченных деньгами, обещанными Титаном. Деньгами, которые он уже видел, держал в руках. Его деньгами...

Маркелов вывернул баранку и надавил на газ. Машина, резко развернувшись, рванула вперед.

– Вчера стрелял хорошо, – говорил по дороге Маркелов, – только перерывы между выстрелами большие. Постарайся

сегодня поменьше целиться и побыстрее стрелять.

– Хорошо, – сказал Чахлик, и у него, как это часто бывало в последние дни, засосало под ложечкой от страха. А вдруг Маркелов пронюхает, что у него с глазами не все в порядке? Если пронюхает – все, хана. Денег ему не видать как своих ушей... Да и не только денег. Титан, скорее всего, не оставит его в живых после такой промашки. Зачем ему лишние свидетели... В таком деле случайностей быть не должно. А нелады со зрением Чахлика были именно такой случайностью.

Так что Андрею оставалось только надеяться, что Маркелов не заметит, каких усилий ему стоит напрягать зрение в момент выстрела, и что в самый ответственный момент глаза не подведут...

Пули ложились в мишень ровно. На картоне мишени, видимой в оптический прицел, постепенно образовывалась дыра точно по центру.

Чахлик лениво передергивал затвор винтовки и, задержав на секунду дыхание, плавно, по всем правилам, нажимал на курок.

Сегодня глаза были в норме. Чахлик молился, чтобы в самый решающий момент они его не подвели...

– Хватит. – Маркелов опустил бинокль, в который наблюдал за мишенью.

– Скучно, начальник, – сказал Андрей, поднимаясь с земли. – Сколько можно палить в картонку?

– Ничего, сиделец, скучно в учении – весело в бою. И потом, практика – это самое главное. Пару дней не позанимался – считай, что разучился. Ясно?

– Ясно... – ответил Чахлик, меняя магазин винтовки.

– Но сегодня начнем учиться стрелять вслепую.

– Как это? – удивился Андрей, приставив приклад ружья к ноге.

– А что ты думал? – весело сказал Маркелов. – Настоящий снайпер должен цель не глазами видеть, а всем своим нутром чувствовать.

«Хорошо бы... Если бы не глазами», – подумал Чахлик, но вслух ничего не сказал.

– Пошли. – Маркелов направился к машине. Чахлик, взяв винтовку, поплелся следом.

На заднем сиденье инструктор расстелил чертеж легкового автомобиля. Пять разноцветных линий пересекали пунктиром его салон, сходясь в одной точке.

– У машины могут быть тонированные стекла, – начал объяснять Маркелов. – К тому же расстояние выстрела может не позволить видеть... – он замялся, – клиента. И тогда в зависимости оттого, в какой части салона он сидит, ты выбираешь угол выстрела и стреляешь. Понял?

– Примерно. – Чахлик внимательно смотрел на чертеж.

– Ну вот. – Рука инструктора легла на схему. – Ты находишься в этой точке. – Он показал на место, где сходились линии. – Машина следует отсюда, дорога, предполо-

жим, прямая. Клиент сидит вот здесь. – Он показал на середину заднего сиденья. – Ты выбираешь вот этот угол и ждешь. Машина подъезжает – ты стреляешь.

– Гладко говоришь. А вот как на деле выйдет. Откуда я узнаю, где он сидит? Вдруг он не в середине сидит, а с краю? И с какого краю?

– Это не твоя забота. Сообщат.

– Ну хорошо... А как правильный угол взять?

– Молодец. Это главный вопрос. Ты в школе учился, сиделец?

Андрей кивнул и усмехнулся.

– Значит, что такое прямой угол, знаешь? Ну вот, прибыв на место, сразу рассчитываешь этот прямой угол и от него и пляшешь. Понял?

– Мудрено больно.

– Это тебе не мелочь по карманам тырить, – пошутил Маркелов. – Ладно, от теории переходим к практике. Это ружье оставь в домике, его приберут. Твое оружие в багажнике.

– Чего, поедem машины на дороге стрелять?

– Нет. – Маркелов скрутил схему в трубку и поджег. – Есть одно тихое местечко, где все готово для тренировки подобного рода.

Чахлик потащил ружье в сторожку. А инструктор смотрел, как догорает в его пальцах лист бумаги.

...По узкой асфальтовой дорожке быстро ехала совершен-

но разбитая черная «Волга» с листами ржавого железа вместо стекол. К бамперу развалюхи был прикручен стальной трос, второй конец которого закрепили за форкоп маркеловских «Жигулей».

Чахлик, как ему велел Маркелов, засел метрах в пятидесяти от дорожки. По словам инструктора, это расстояние нужно будет то увеличивать, то уменьшать, чтобы глаз привыкал автоматически вычислять нужный угол стрельбы.

Андрей тщательно прицелился, раздался выстрел. Пуля пробила переднее стекло «Волги». «Жигули» съехали на обочину и остановились. Черный автомобиль прокатился чуть дальше и тоже встал.

Инструктор вышел из своей машины, подошел к «Волге» и открыл переднюю дверь. На водительском месте сидел манекен, продырявленный в нескольких местах. Новое отверстие зияло на груди, и его, как и остальные, Маркелов обвел мелом.

– Способный парень, – сказал он сам себе, закрыл дверь и поднес к лицу рацию: – Порядок. На сегодня, пожалуй, все. Сиди там, сейчас подъеду, заберу.

– Понял, – прохрипел динамик в аппарате. Маркелов спрятал его в карман и пошел отвязывать трос.

Через оптический прицел уголовник Андрей Васильев наблюдал за неспешными движениями инструктора. Еще два патрона оставались в магазине винтовки.

Вдруг в голове у Чахлика появилась шальная мысль. Мар-

келов обращался с ним как с мелкой сошкой, командовал, распоряжался им, бывало, ругал последними словами. Да кто он такой?! Это ведь ему, Чахлику, а не Маркелову Титан поручил ответственное дело, ради которого и вытащил его из лагеря!

Палец сам собой лег на курок. Дыхание привычно затаилось. Он услышал удар сердца, увидел в прицеле распрямившуюся фигуру инструктора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.